

А. Ю. Митрофанов

Хиониты Аммиана Марцеллина: к вопросу об этнокультурных представлениях позднеримского историка

УДК 94(3)
DOI 10.47132/1814-5574_2025_1_49
EDN SXNATA

Аннотация: Статья посвящена реконструкции политической истории гуннов накануне их вторжения в степи Северного Причерноморья. Опираясь на сведения римского историка Аммиана Марцеллина о царе хионитов Грумбате, автор пытается определить происхождение хионитов и их культурно-историческое место среди кочевников евразийских степей второй половины IV в. Принимая гипотезу о связях хионитов с гуннами, автор обозревает этнополитические ландшафты, ставшие объектом завоевания гуннов. В первую очередь автор реконструирует политическую эволюцию аланов, развитие которых рассматривается в широком контексте политической истории сарматского кочевого мира от парфян до придунайских сарматов. На основании сведений Аммиана Марцеллина автор реконструирует события политической истории сарматов и готов во второй четверти IV в. и делает вывод о значительной политической роли аланского племенного союза в ранней гуннской державе во второй половине IV в.

Ключевые слова: Грумбат, Константина, Шапур, Констанций, Аммиан Марцеллин, Евсевий Кесарийский, парфяне, сарматы, аланы, хиониты, гунны.

Об авторе: **Андрей Юрьевич Митрофанов**

Доктор исторических наук, доктор истории, искусств и археологии Лувенского католического университета, профессор кафедры церковной истории Санкт-Петербургской духовной академии, действительный член Общества изучения церковного права им. Т. В. Барсова (Барсовского общества) Санкт-Петербургской Духовной Академии Русской Православной Церкви.

E-mail: non-recuso-laborem@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5365-1577>

Для цитирования: Митрофанов А. Ю. Хиониты Аммиана Марцеллина: к вопросу об этнокультурных представлениях позднеримского историка // Христианское чтение. 2025. № 1. С. 49–78.

Статья поступила в редакцию 26.08.2024; одобрена после рецензирования 27.09.2024; принята к публикации 15.10.2024.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE [Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 1

2025

Andrey Yu. Mitrofanov

The Chionites of Ammianus Marcellinus: On the Question of the Ethnocultural Conceptions of the Late Roman Historian

UDK 94(3)

DOI 10.47132/1814-5574_2025_1_49

EDN SXNATA

Abstract: The article is devoted to the reconstruction of the political history of the Huns on the eve of their invasion of the steppes of the Northern Black Sea region. The author bases on the information of the Roman historian Ammianus Marcellinus about the Chionite king Grumbates, he tries to determine the origin of the Chionites and their cultural and historical place among the nomads of the Eurasian steppes of the second half of the 4th century. The author accepts the hypothesis about the connections of the Chionites with the Huns, he examines the ethno-political landscapes, which became the object of the conquest of the Huns. First of all, the author reconstructs the political evolution of the Alans, whose development is considered in the broad context of the political history of the Sarmatian nomadic world from the Parthians to the Danubian Sarmatians. The author bases on the information of Ammianus Marcellinus and he reconstructs the events of the political history of the Sarmatians and Goths in the second quarter of the 4th century; he concludes about the significant political role of the Alan tribal union in the early Hunnic power in the second half of the 4th century.

Keywords: Grumbates, Constantina, Shapur, Constantius, Ammianus Marcellinus, Eusebius of Caesarea, Parthians, Sarmatians, Alans, Chionites, Huns.

About the author: **Andrey Yurievich Mitrofanov**

Doctor of Historical Sciences, Doctor of History, Archeology and Arts of the Louvain Catholic University; Professor of the St. Petersburg Theological Academy; Full Member of the T.V. Barsov Society for the Study of Church Law (Barsov Society) at the St. Petersburg Theological Academy of the Russian Orthodox Church.

E-mail: non-recuso-laborem@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5365-1577>

For citation: Mitrofanov A. Yu. The Chionites of Ammianus Marcellinus: On the Question of the Ethnocultural Conceptions of the Late Roman Historian. *Khristianskoye Chteniye*, 2025, no. 1, pp. 49–78.

The article was submitted 26.08.2024; approved after reviewing 27.09.2024; accepted for publication 15.10.2024.

В 1903 г. выдающийся исследователь-востоковед и военный разведчик, генерально-го штаба полковник (впоследствии генерал от инфантерии) Лавр Георгиевич Корнилов (1870–1918), описывая свое путешествие по внутренним районам Афганистана и Кашгарии [Ушаков, Федюк, 2012, 30–34], справедливо отмечал: «Историки-ориенталисты, основываясь на древнейших памятниках санскритской литературы и свидетельстве древних греческих писателей, полагают, что страна, называемая в настоящее время Кашгарией или Восточным Туркестаном, еще задолго до Рождества Христова была населена саками, народом арийского племени и, быть может, родоначальником нынешних славян и литовцев. Волна полудиких монгольских народов, двинувшихся из глубины Восточной Азии, захватила при своем движении на Запад и страну саков» [Корнилов, 1903, 1]. Современная археология и историческая этнография обогатили эту картину многочисленными открытиями, которые позволяют уточнить историю Великой Степи в античную эпоху. Факт культурного влияния восточно-иранских кочевников, прежде всего скифов, на формирующуюся балто-славянскую языковую общность подтвержден лингвистами и сомнений не вызывает [Абаев, 1971, 10–13; Витчак, 2012, 115–130; Тохтасьев, 2005, 59–106; Тохтасьев, 2015, 426–439]. В результате борьбы саков и хунну во II в. до Р. Х. часть саков и тохаров вторглась в Бактрию и сокрушила эллинистическое Греко-Бактрийское царство, а хунну основали в Центральной Азии кочевую державу, став родоначальниками будущих европейских гуннов [Гумилев, 1998, 77–81; Барфилд, 2009, 76–145; Кычанов, 2010, 11–52]. Позднеримский историк 2-й пол. IV в. Аммиан Марцеллин сохранил в рассказе о средназиатских кочевых народах — парфянах и хионитах — элементы античной письменной традиции, позволяющей реконструировать некоторые аспекты этнокультурной истории среднеазиатских гуннов.

Аммиан Марцеллин, грек и солдат, стал для гуннов первооткрывателем, каким для скифов и савроматов был Геродот, а для парфян Аполлодор Артемидский. Благодаря перу или, правильнее сказать, каламу Аммиана гунны выступили на арену римской истории и сыграли на ней с хронологической точки зрения не очень продолжительную, но с точки зрения исторических последствий чрезвычайно яркую драму. Несмотря на важнейшую роль гуннов в событиях, связанных с трансформацией античного мира и генезисом средневековой цивилизации, фрагментарность письменных источников не позволяет нам составить целостное представление о ранней политической истории гуннов. В первую очередь это касается предьстории гуннских завоеваний и утверждения господства гуннов в степях Северного Причерноморья.

Как полагал Тимоти Барнс, сохранившаяся нумерация дошедших до нас книг «Деяний» Аммиана Марцеллина ошибочна, что обусловлено небрежностью средневековых переписчиков, не имевших в своем распоряжении утраченных книг этого произведения. Добавим, что за небрежностью переписчиков — средневековых монахов — могла скрываться конфессиональная тенденциозность: известно, что Аммиан Марцеллин был сторонником императора Юлиана Отступника (361–363) и недолголюбивал первого христианского императора Константина Великого (306–337). Это обстоятельство, вероятно, и способствовало достаточно ранней утрате первых книг сочинения Аммиана Марцеллина, в которых эпоха тетрархии и правление Константина описывались с точки зрения языческой партии. По мнению исследователя, Аммиан Марцеллин посвятил значительную часть утраченных книг своего сочинения (с 7-й по 12-ю) именно Константину Великому (306–337), а также (с 13-й по 18-ю) сыновьям Константина, прежде всего Констанцию II в период его правления в восточных провинциях (337–353). В таком случае первая из дошедших до нас книг произведения Аммиана в действительности является не 14-й, а 19-й [Barnes, 1998, 28]. Принимая гипотезу Тимоти Барнса, мы можем допустить, что в утраченной части своего труда Аммиан Марцеллин должен был уделить большое внимание подготовке Константина к войне с персами, а также первому этапу этой войны, которую вел его сын Констанций II. Вполне естественно предположить, что, рассказывая об этих событиях, Аммиан Марцеллин сообщил сведения, связанные с политической обстановкой, сложившейся вокруг Рима и Ирана в конце правления Константина: например, он должен был писать о сарматах, которые были

серьезным противником как для Константина, так и для его младшего сына Константа. Тем самым, утраченная часть сочинения Аммиана Марцеллина могла содержать интересные подробности, имеющие отношение к ранней истории гуннов до их вторжения в южнорусские степи в 370-х гг. В настоящей статье мы попытаемся осуществить опыт реконструкции ранней политической истории гуннов, опираясь на сохранившиеся сообщения Аммиана Марцеллина о парфянах и хионитах, которые обычно непосредственно не связываются с европейскими гуннами.

Возможно, впервые Аммиан упоминает гуннов под именем хионитов в рассказе об осаде Амиды персидским шахом Шапуром II (309–379) в 359 г. В данном случае мы принимаем точку зрения, в соответствии с которой Аммиан Марцеллин подразумевал под хионитами гуннов, только в качестве рабочей гипотезы, ибо этническое происхождение исторических хионитов для нас сейчас не столь важно. Царь (rex) хионитов Грумбат принимал активное участие в боевых действиях на стороне персов (Amm. Marc. XVIII. 6. 22). Гибель хионитского царевича, сына Грумбата, от выстрела римской баллисты повлекла за собой схватку за его тело, которую историк сравнивает с боем за тело Патрокла, пышные похороны (Amm. Marc. XIX. 1.7–11), мщение хионитов и последующее истребление гарнизона Амиды и ее населения персами.

Присутствие Грумбата и хионитов в персидском войске, по-видимому, не было следствием случайного набора наемников в степном приграничье Сасанидского Ирана, но являлось важным элементом военно-политической системы, которую современные исследователи определяют как парфяно-сасанидскую конфедерацию. В частности, Парванех Пуршариати и Хьун Джин Ким подчеркивают важнейшую роль парфяно-сасанидского континуитета в политической системе Сасанидского Ирана, где высшая парфянская аристократия (Карены, Сурены, Михраны, Испახбеды и т. д.) после битвы при Хормиздагане (224) сохранила свои домены, вассалов и политическое влияние, признав победу Арташира Папакана (224–240/241) над последним парфянским царем Артабаном V (IV) (216–227) [Pourshariati, 2008, 33–59; Hyun Jin Kim, 2013, 9–16]. Полуфеодальная структура раннего Сасанидского государства при всей условности этого термина могла способствовать сохранению парфянских традиций княжеского управления отдаленными территориями, которые признали верховную власть Арташира [Луконин, 1961, 5–24; Луконин, 1969, 27–49]. Значение парфянских социально-политических традиций в жизни Сасанидского Ирана трудно переоценить, несмотря на то что это значение чаще всего преуменьшалось старой историографией [Christensen, 1936, 79–91]. Союз Сасанидской династии с парфянской аристократией после свержения Аршакидов, вероятно, нашел отражение в двух легендах, вошедших в состав «Карнамака» — среднеперсидского текста VI в. Первая легенда сообщает о браке Арташира с Аршакидской принцессой, дочерью Артабана V, которая стала матерью Шапура I (240/241–271/272) (Чунакова, 1987, 77–78). В действительности дочь Артабана V не могла быть матерью Шапура I, родившегося задолго до Сасанидского восстания, в котором Шапур принимал деятельное участие вместе с отцом. Однако подобная легенда весьма показательна как элемент Сасанидской придворной пропаганды, которая подчеркивала преемственность новой династии от парфянских царей. Вторая легенда повествует о чудесном спасении парфянской княжны, дочери Михрака, от репрессий Арташира и о женитьбе на этой княжне Шапура I. Парфянская княжна по легенде становится матерью Ормизда I (271/272–272/273) (Чунакова, 1987, 81–82). Несмотря на то что «Карнамак» в окончательном варианте сложился только в VI столетии, легенды о парфянских князьях, ставших персидскими царицами, могут восходить к раннесасанидской эпохе и отражать современные ей социально-политические реалии¹. Военно-политические традиции парфянских царей, заключавшиеся, в частности, в сохранении устойчивых связей с кочевой сако-массагетской аристократией Средней Азии, были унаследованы Сасанидами [Луконин, 1969, 50–69; Дмитриев, 2008, 162–182; Мирзоев, 2016, 32–33].

¹ Мы благодарим Ольгу Михайловну Чунакову за устную консультацию.

Как справедливо отмечает Хьюн Джин Ким, для понимания ранней истории гуннов необходимо ясно представлять себе более широкий контекст, связанный с экспансией кочевников евразийских степей, которые были современниками азиатских хунну и европейских гуннов. Это понимание позволит реконструировать некоторые стороны жизни гуннов по аналогии с другими современными им кочевыми обществами, которые стали известны греко-римским географам и историкам значительно раньше гуннов. Знаменитый археолог К. Ф. Смирнов в свое время справедливо подчеркивал значение истории античных кочевников – савроматов и сарматов, для изучения кочевых обществ более позднего времени: «Изучение сарматов помогает разобраться во многих вопросах раннего Средневековья, особенно в вопросах происхождения ряда народов и их культуры в Средней Азии и Казахстане, в Поволжье, на Северном Кавказе и в Крыму» [Смирнов, 1964, 3]. В другом месте исследователь отмечал: «Сарматы в течение ряда веков господствовали в степях Восточной Европы и оказывали существенное влияние на общественно-политическую жизнь городов Северного Причерноморья. Значительная роль их в развитии военного дела древнего мира общеизвестна» [Смирнов, 1961, 6]. Действительно, история сарматских племен, прежде всего аланов, на завершающей стадии их развития непосредственным образом связана с историей гуннов и таких исторических преемников гуннов, как, например, авары и древние тюрки. В данной статье мы будем следовать этому принципу и попытаемся реконструировать некоторые события из ранней истории гуннов, опираясь на исторический опыт их предшественников.

Одним из хрестоматийных примеров создания античными кочевниками мировой империи стала Парфия. Основатель Парфянской державы полулегендарный Аршак и его брат Трдат были описаны историками, принадлежавшими к двум литературным традициям. Юстин (Помпей Трог), Страбон и в определенной степени Аммиан Марцеллин опираются на сведения, восходящие к Аполлодору Артемидскому, который сообщал, что братья Аршак и Трдат были вождями кочевых массагетского племени дахов (апарнов). Византийские историки Зосим, Георгий Синкелл и патр. Фотий на основании утраченного сочинения Арриана описывают двух братьев как потомков Ахеменидского царя Артаксеркса, ставших предводителями восстания оседлого населения Парфии против македонского владычества [Nikonov, 1998, 107–122; Балахванцев, 2009, 89–101; Балахванцев, 2015, 114–122]. Важно отметить, что Георгий Синкелл, живший в эпоху правления императрицы Ирины (780–802), и патр. Фотий, современник императоров Михаила III Пяницы (842–867) и Василия I Македонянина (867–886), называют своим источником «Парфику» Арриана. Не исключено, что при Ирине Георгий Синкелл вывез сочинение Арриана вместе со своей библиотекой из завоеванной арабами Сирии в Константинополь. О существовании этой библиотеки писал известный немецкий византист Пауль Шпек, который доказал, что часть сирийских документов Синкелла легла в основу его «досье», посвященного эпохе правления первых императоров Исаврийской династии [Speck, 2003, 514]. Спустя полвека патр. Фотий воспользовался экземпляром «Парфики» Арриана из библиотеки Синкелла. Как бы там ни было, «Парфика» Арриана отражала официальную пропаганду Аршакидского двора, сформировавшуюся в эпоху Митридата II (124–91 гг. до Р. Х.) или Фраата III (69–57 гг. до Р. Х.), чем и объясняется провозглашение фиктивного преемства Аршакидов от Ахеменидов [Балахванцев, 2009, 92]. Вероятно, именно эта пропаганда впоследствии была заимствована персами и повлияла на формирование легенды об Ахеменидском происхождении Сасанидской династии. Альтернативная традиция, восходящая к Аполлодору Артемидскому, более древняя и в большей степени достойна доверия, ибо Аполлодор был греком, жившим в Парфии, и имел доступ к источникам эпохи Селевкидов, современным созданию Парфянского царства [Nikonov, 1998, 117–119].

Аммиан Марцеллин лишь кратко упоминает о дахах в связи с историей Аршака, не называя их по имени, но при этом презрительно характеризует их как «latrones», т.е. как разбойников: «Это царство, некогда весьма небольшое по размерам

и по причинам, которые я часто приводил, носившее различные имена, после того как рок похитил в Вавилоне Александра Великого, стало достоянием парфянина Аршака. То был человек низкого происхождения. В юности он был атаманом разбойников, но постепенно возвысился в своих стремлениях и составил себе славное имя рядом блестящих деяний. После многих славных и храбрых подвигов он одержал победу над преемником Александра Селевком Никатором, которому это прозвище принесли его многочисленные победы...»² (Hoc regnum quondam exiguum multisque antea nominibus appellatum ob causas quas saepe rettulimus, cum apud Babylona Magnum fata rapuissent Alexandrum, in vocabulum Parthi concessit Arsacis obscure geniti, latronum inter adulescentiae rudimenta ductoris, verum paulatim in melius mutato proposito clarorum contextu factorum aucti sublimius, qui post multa gloriose et fortiter gesta superato Nicatorе Seleuco eiusdem Alexandri successore, cui victoriarum crebritas hoc indiderat cognomentum... (Amm. Marc. XXIII. 6. 2–3)). Как справедливо отмечает В. А. Дмитриев, ранняя история Парфии была известна Аммиану Марцеллину благодаря сочинениям Помпея Трога или, что более вероятно, его эпитоматора Юстина [Дмитриев, 2003, 195–200]. Следовательно, Аммиан должен был знать о «скифском» происхождении парфян, о котором писал Юстин, повторявший информацию Помпея Трога и его источника Аполлодора (Parthi, penes quos velut divisione orbis cum Romanis facta nunc Orientis imperium est, Scytharum exules fuere (Iust. XLI. 1. 1)). Аммиан просто заменил нейтральный термин Юстина «exules» («изгнанники») более эмоционально насыщенной и тенденциозной характеристикой «latrones» («разбойники»). При этом позднеримский историк погрешил против истины, допустив контаминацию событий, и приписал первым вождам дахов победу над диадохом Селевком I Никатором (312–281 до Р. Х.), который основал на развалинах империи Александра III Македонского (356–323 до Р. Х.) огромную паназиатскую державу и превратился в гегемона Передней Азии. В действительности первые вожди дахов воевали против Селевкидского сатрапа Парфии Андрагора спустя много лет после гибели Селевка Никатора. Сыновья Фрияпата Аршак и Трдат свергли Андрагора и утвердились в Парфии примерно в конце царствования Антиоха II Теоса (261–246 до Р. Х.) или же в начале царствования Селевка II Каллиника (246–225 до Р. Х.), между 246 и 239 гг. до Р. Х. [Балахванцев, 2018, 180–181].

Следует отметить, что Юстин, пересказывая сведения Помпея Трога, сообщает, что Селевк Никатор официально провозгласил себя сыном Аполлона и рассказывает романтическую историю: «Ибо мать его Лаодика, когда вышла замуж за Антиоха, одного из славнейших полководцев Филиппа, увидела во сне, что зачала, совокупившись с Аполлоном, что, став беременной, она получила от него в дар за то, что отдалась ему, перстень, на котором было вырезано [изображение] якоря, и что бог повелел ей отдать этот дар сыну, который у нее родится. Особенно удивительным показалось видение Лаодики, когда на следующий день на ее ложе был найден перстень с таким точно изображением, и еще более, когда на бедре новорожденного ребенка оказалось родимое пятно в форме якоря. Поэтому Лаодика, когда Селевк отправлялся в персидский поход с Александром Великим, рассказала сыну о его происхождении и отдала ему этот перстень» (siquidem mater eius Laodice, cum nupta esset Antiocho, claro inter Philippi duces viro, visa sibi est per quietem ex concubitu Apollinis concepisse, gravidamque factam munus concubitus a deo anulum accepisse, in cuius gemma anchora sculpta esset; iussaque donum filio, quem peperisset, dare. Admirabilem fecit hunc visum et anulus, qui postera die eiusdem sculpturae in lecto inventus est, et figura anchorae, quae in femore Seleuci nata cum ipso parvulo fuit. Quamobrem Laodice anulum Seleuco eunti cum Alexandro Magno ad Persicam militiam, edocto de origine sua, dedit (Iust. XV. 4)). Как полагал известный петербургский антиковед Ю. В. Откупщиков (1924–2010), культ Аполлона имеет не хетто-лувийское, а фракийское происхождение [Откупщиков, 2001, 293–300], что может объяснить распространение этого культа в античной Македонии, вызвавшее появление Селевкидской легенды в эллинистическое время. Легенда

² Здесь и далее мы цитируем перевод Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни.

о происхождении Селевка от Аполлона, несомненно, отражает более широкую идею божественной реинкарнации, общее ожидание воплощения божества в исторический период, предшествующий приходу в этот мир Христа. Очевидно, легенда о соитии Аполлона с матерью Селевка была создана Селевком под влиянием мистических представлений своего времени вполне сознательно, в период вооруженной борьбы против диадоха Антигона I Одноглазого (306–301 до Р. Х.) в ходе Четвертой войны диадохов (308–301 до Р. Х.). Селевкидский миф был призван обосновать притязания Селевка на господство в Азии и уравнивать этого диадоха в глазах его солдат с семьей Александра III Македонского (356–323 до Р. Х.), использовавшей в целях пропаганды генеалогическую легенду Эпирской царской династии Эакидов, к которой принадлежала мать Александра, царица Олимпиада (375–316 до Р. Х.), считавшаяся потомком Ахилла [Hamilton, 1965, 117–124]. Несложно предположить, что неудачная борьба потомков Селевка с парфянами бросала тень на их божественное происхождение, а ослабление династии Селевкидов в I в. до Р. Х. скомпрометировало осмысления династии в письменной традиции, на которую впоследствии опирался Аммиан Марцелин. Антиох X Эвсеп Филопатор (95–83 до Р. Х.) погиб в бою с парфянами; Деметрий III Эвкер (95–88 до Р. Х.) попал в плен к парфянскому царю Митридату II (124/123–88/87 до Р. Х.). В глазах современников Митра оказался сильнее Аполлона.

Исследователи в большинстве признают, что дахи были ираноязычным кочевым племенем массагетского круга, до вторжения в Парфию кочевавшим в степях Приуралья и тесно связанным своим происхождением с заволжскими и приуральскими сарматами [Смирнов, 1984, 115–118; Пьянков, 2013с, 598–616]. На раннем этапе своей истории дахи вступили в союз с державой Ахеменидов и совместно с бактрийцами воевали против Александра III Македонского в составе персидской армии в битве при Гавгамелах (331 г. до Р. Х.), а после падения Ахеменидов принимали участие в походе Александра в Индию (327–325 гг. до Р. Х.) [Нефедкин, 2019, 91–108]. В середине III в. до Р. Х. дахи вторглись в Парфию, являвшуюся в то время Селевкидской сатрапией [Lerner, 1999, 29–31]. Путь продвижения дахов пролегал от среднего течения Сырдарьи вниз по реке до Аральского моря, а затем на юг, ибо движение на запад через Узбой было закрыто кочевой ордой апасиаков. Марек Ольбрыхт и И. В. Пьянков реконструируют направление наступления дахов при помощи сравнения с аналогичными маршрутами средневековых сельджуков Тогрул-бека (1038–1063) и поздне-средневековых узбеков Шейбани-хана (1500–1510) [Olbrycht, 1998, 47 n. 163, 61 n. 65; Пьянков, 1979, 193–207 (195 n. 4)].

После создания государства Аршакидов около 248/247 г. до Р. Х. дахи (апарны), вероятно, в течение двух-трех поколений ассимилировались в среде оседлых ираноязычных племен Парфии и перешли на западноиранский парфянский язык. По мнению В. А. Лившица, уже во 2-й пол. III в. до Р. Х. появилась парфянская письменность, для создания которой был использован арамейский алфавит, точнее «имперско-арамейский» вариант этого алфавита, в частности, употреблявшийся при написании легенд на монетах Селевкидского сатрапа Парфии Андрагора [Лившиц, 2010, 298–302]. Изображения первых Аршакидских царей с башлыками на головах на парфянских монетах лишь подтверждают связи парфян со степными племенами сако-массагетского и скифо-сарматского мира [Dibvoise, 1937, 9–16; Дибвойз, 2008, 28–48]. Главной ударной силой парфян со временем стала тяжелая конница, организованная по сако-массагетскому образцу. Эллинизировавшиеся преемники Аршака, например парфянский царь Фраат II (132–128/127), убитый в бою с саками, или его преемник Артабан I (128/127–124/123), смертельно раненный в битве с тохарами, были вынуждены противостоять новым волнам кочевых сакских племен, сокрушивших Греко-Бактрийское царство и вторгшихся в Парфию (Юэчжи китайских хроник); [Olbrycht, 1998, 85–91; Tarn, 1938, 270–311; Dibvoise, 1937, 54–69; Дибвойз, 2008, 54–55]. Тем не менее парфянская аристократия, управлявшая Ираном и Сирией, в определенной степени сама сохраняла традиции кочевого уклада жизни и, что самое важное, военную систему, характерную для кочевников евразийских степей, в частности для сарматов [Никоноров, 1995, 53–61; Никоноров,

1987, 21–236; Хазанов, 1971, 64–90]. Примечательно, что борьба Фраата II против саков началась с того, что против парфянского царя взбунтовались сакские наемники, набранные для участия в походе против Селевкидского царя Антиоха VII Сидета (164–129 гг. до Р. Х.), но опоздавшие с прибытием на театр военных действий (Diod. Sic. XXXIV. 18. 1; Iust. XLII. 1. 1.); [Bevan, 1902, II. 236–246]. Фраат II положил начало активному инкорпорированию среднеазиатских саков в парфянские дружины.

Подобное обстоятельство способствовало известному парфяно-сакскому симбиозу, проявившему себя уже на излете эпохи эллинизма. Артабан I назначил одного из членов парфянского клана Суренов правителем Дрангианы в период борьбы с саками, что имело, по-видимому, важнейшие культурные последствия для всего иранского мира. Саки играли на первых порах заметную роль в жизни завоеванных ими территорий Парфянской державы. Артабан I даже платил им некоторое время дань. Саки дали название целой области Парфянского царства, которую они смогли удержать, — Сакастан, «страна саков» (позднее — Систан). История кровавой борьбы парфян и саков в Дрангиане в эпоху Артабана I могла быть изначальной исторической основой для более поздних парфянских эпических сказаний о подвигах сакского витязя Родстахма [Herzfeld, 1931–32, 1–116], поступившего на службу парфянскому царю. Поздний армянский историк Моисей Хоренский называл Родстахма именно «саком», т. е. представителем кочевой элиты Юэчжи.

Парванех Пуршариати подтверждает, что парфянский княжеский дом Суренов, правивший в Сакастане (Систане), содержал госанов (миннезингеров), сложивших эпические сказания о сакском витязе Родстахме. Причем парфяне почитали Родстахма как эманацию авестийского бога Митры [Pourshariati, 2008, 117–118]. В научной литературе в разное время предпринимались попытки отождествления Родстахма с Суреной, победителем Марка Лициния Красса (115/114–53 до Р. Х.) в битве при Каррах (53 г. до Р. Х.), или с индо-парфянским царем Гондофаром, правившим в Систане на рубеже нашей эры. Однако нам представляется более убедительной гипотеза И. В. Пьянкова. Этот исследователь выявил сюжетные параллели между историей знакомства Рустама и Тахмины в изложении Абулькасима Фирдоуси (940–1020) (Фирдоуси, 1960, II, 8–15), более ранними изображениями этого сюжета на фресках Пенджикента (VI в.) и рассказанной Геродотом скифской династической легендой о совокуплении Геракла с женщиной-змеей (Hrdt. IV. 8–10), что позволило установить древние скифские истоки сказаний Систанского цикла, восходящие к эпохе скифских походов в страны Передней Азии и установления господства скифов в Северном Причерноморье [Пьянков, 2013d, 531–538].

Впоследствии, уже при последних Сасанидах, парфянские сказания о Родстахме были инкорпорированы в книгу царей «Xth adāy-Namag». Как полагает Парванех Пуршариати, это инкорпорирование имело место в период правления царицы Бурандохт (630–632) — дочери Хосрова II Парвиза (591–628), т. е. тогда, когда власть в Сасанидском Иране ненадолго перешла к парфянскому клану Испахбедов [Pourshariati, 2008, 462]. Оттуда предание о Рустаме было заимствовано средневековыми персидскими поэтами Дакики (935/942–967/980) и Фирдоуси (940–1020).

Как отмечает А. А. Амбарцумян, имя сакского героя имеет восточно-иранское происхождение и может быть реконструировано путем привлечения материалов авестийского языка. Первая часть имени, «rod», может происходить от авестийского *raoīdā* — «красноватый, румяный, алый». От этого же корня происходит имя кабульской (т. е. сакской) княжны, матери Родстахма, — *Rodābā*. Со среднеперсидского «goy» переводится как «[красная] медь». Вторая часть имени, «stahm», через посредничество среднеперсидского языка восходит к авестийскому прилагательному *staxra* — «сильный», «твердый» (Амбарцумян, 2009, 199–200). Упоминание о сакском витязе по имени *Roystahm* (Родстахм) было включено в парфянский эпос «Айадгари-Зареран», записанный уже в сасанидское время (V–VI вв.), — песнь о героической борьбе иранцев против кочевников-хионитов за зороастрийскую веру (Амбарцумян, 2009, 199–204). Подобные произведения были популярны в парфянской, а позднее

в сасанидской военной и придворной среде, в сословии азатов — конных воинов, формировавших шахскую дружину [Периханян, 1983, 14; Периханян, 1973, 445].

Рустам упоминается в произведениях согдийской литературы раннего Средневековья. «Будь храбрым наездником, подобно храброму Рустаму», — гласит согдийский фрагмент из Турфана (Амбарцумян, 2009, 201). Серия подвигов Рустама и его спутников, в частности сакской княжны Гурдафарид, изображена согдийскими художниками на фресках VI–VII вв., найденных в городе Пенджикент [Беленицкий, 1973, 47–48]. Пехлевийский текст «Города Ирана» свидетельствовал о том, что «Город Фрах (Фарах) и город Завалистан (Газни) построил Рустам Сакастан-шах (царь Сакастана)» [Хуршудян, 2010].

Спустя век после падения Греко-Бактрийского царства на пограничных территориях Парфии, где расселились саки, сформировалось новое Индо-Парфянское царство. Первым индо-парфянским царем стал Гондофар I (20–10 до Р. Х.), правитель Сакастана, возможно, родственник парфянского клана Суренов. Изначально Гондофар был вассалом индо-скифов (так назывались саки, завоевавшие северо-западную часть Индийского субконтинента). Но после смерти индо-скифского царя Азеса I (48/47–25 гг. до Р. Х.) Гондофар существенно расширил свои владения. По свидетельству апокрифических «Деяний апостола Фомы» после 29 г. по Р. Х. индо-парфянский царь Гондофар II — вероятно, один из преемников Гондофара I, слушал проповедь Христа в изложении ап. Фомы [Bivar, 2002, XI. 2. 135–136; Зеймаль, 1968, 111–114].

Драматические события сако-парфянского противостояния в эпоху Фраата II и Артабана I и последующие перипетии культурного симбиоза парфян и саков совпали по времени с завершающим этапом развития раннесарматской (прохоровской) культуры (IV–II вв. до Р. Х.) в степях Евразии. К. Ф. Смирнов связывал с образованием в нач. IV в. до Р. Х. этой целостной общесарматской археологической культуры, простиравшейся от Приуралья до Поволжья, начало сарматских миграций [Смирнов, 1964, 286–290]. Происхождение этой культуры, по мнению исследователя, было тесно связано с предшествующей савроматской (блюменфельдской) культурой (VII–IV вв. до Р. Х.), но развитие ее было обусловлено нашествием новых волн среднеазиатских кочевников в южнорусские степи. И. П. Засецкая подчеркивает, что этому нашествию уже предшествовал процесс формирования специфической культуры на территориях задонских степей, населенных савроматами [Засецкая, 2008, 4–5]. Примерно в III–II вв. до Р. Х. европейская Скифия подверглась ужасающему нашествию сарматов — ираноязычных носителей прохоровской культуры, пришедших туда из Нижнего Поволжья и приуральских степей [Симоненко, 2012, 45–57]. М. И. Ростовцев высказал предположение о том, что вторжение сарматов в Скифию было спровоцировано событиями, происходившими в Средней Азии после появления там Александра III Македонского (в 330–327 гг. до Р. Х.), однако подобное предположение разделяется сегодня не всеми специалистами. Новейшие исследования скифского языка и сопоставление его элементов с элементами языка сарматов свидетельствуют об отсутствии скифо-сармато-осетинского языкового континуума. По мнению С. Р. Тохтасьева, понтийские скифы и сарматы разговаривали на разных языках, хотя и родственных, но разделившихся в древнейший период развития восточно-иранской языковой общности [Тохтасьев, 2005, 59–106]. В сер. II в. до Р. Х. сарматы, возможно, принимали участие в наступлении азиатских саков (Юэчжи) в Средней Азии вскоре после поражения, понесенного саками (Юэчжи) от хунну в первой половине столетия [Боровкова, 2005, 13–21]. Результатом этого поражения стал уход саков на юг, разгром ими Греко-Бактрийского царства и последующее вторжение саков в Индию [Смирнов, 1984, 115–121]. Подобно сакам в Бактрии и Индии, европейские сарматы наступали из-за Волги на Запад несколькими волнами с III в. до Р. Х. по II в. по Р. Х. В авангарде были сирматы, затем языги, достигшие Днестра, и роксоланы, оставшиеся в степях Северной Таврии. Потом шли сирахи и аорсы, закрепившиеся в кубанских и донских степях. С окончательным утверждением этих племен в южнорусских степях связано появление новой средне-сарматской (сусловской) культуры (I в. до Р. Х. — I в. по Р. Х.). Аланы, захватившие

степи между Доном и Каспийским морем в сер. I — 1-й пол. II вв. по Р. Х., осуществляли свои завоевания на фоне развития новой позднесарматской (шиповской) культуры (I–IV вв.), которая непосредственно предшествовала нашествию гуннов. Экспансия саков в южном направлении и сарматов в западном направлении имела важнейшие культурные последствия, связанные с распространением военного искусства кочевников, их специфической материальной культуры и социально-политической сферы влияния на огромных территориях евразийского степного пояса от Инда до Дуная.

Парфянская традиция привлечения в армию среднеазиатских кочевников сохранялась и при первых Сасанидах. По свидетельству Геродиана, раннесасанидская армия была организована точно так же, как и парфянская, то есть по иррегулярному принципу (Herod. VI. 5. 3–4). Ядро этой армии составляла конница, в которую легко вливался кочевой элемент. Влияние этого элемента на персов было столь сильным, что персы усваивали обычаи кочевников; в частности, Геродиан отмечает, что персы с детства упражняются в искусстве верховой езды и никогда не сходят с коней (οὔτε τῶν ἵπλων ἀλοβαίνοντες). Утверждение Геродиана о том, что у персов женщины принимают участие в боевых походах наравне с мужчинами по приказу царя (ἀλλὰ πᾶν τὸ πλήθος τῶν ἀνδρῶν, ἔσθ' ὄλη καὶ τῶν γυναικῶν, ἐλάν κελεύσῃ βασιλεὺς, ἀθροίζεται), может рассматриваться как дополнительное свидетельство наследования персами парфянских и сакских военных традиций. О сохранении этих традиций свидетельствует и Аммиан Марцеллин. В частности, историк вместе со своими современниками, императором Юлианом и мифическим Элием Лампридием, упоминает т.н. клибанариев или катафрактов, т.е. тяжеловооруженных всадников, которые появились в римской армии по приказу императора Констанция II (337–361) под персидским влиянием (catafracti equites quos clibanarios dictitant (Amm. Marc. XVI. 10. 8; Iulian. Orat. I. 29–30; Orat. III. 9; SHA Alex. LVI. 5)). Как отмечал Рональд Сайм, употребление Аммианом Марцеллином и Элием Лампридием одинаковых военных терминов может свидетельствовать в пользу предположения о связях между Аммианом и текстом «Истории августов» [Syme, 1968, 41]. Аммиан Марцеллин в истории Констанция и Элий Лампридий в биографии Александра Севера подтверждают, таким образом, что в раннесасанидскую эпоху персы сохранили и, вероятно, даже усилили тяжелую конницу, формировавшую основу вооруженных сил Парфии. Именно поэтому присутствие в войске Шапура II хионитской дружины Грумбата не должно нас удивлять. Союз Шапура и Грумбата опирался на старинную традицию отношений царей Ирана (вначале парфянских, затем персидских) со среднеазиатскими кочевниками. Роль царя хионитов Грумбата под стенами Амиды в 359 г. еще более проясняется благодаря рассмотрению цепи событий, которые предшествовали возобновлению войны Шапура II (309–379) с римским императором Констанцием II (337–361) на исходе 350-х гг.

В нач. 350-х гг. в Римской империи вспыхнуло восстание галльского узурпатора Магненция. Именно в этот критический момент Констанций принял решение о переброске в Европу лучших подразделений восточной армии, в частности римских катафрактов [Банников, 2021а, 61–63, 415–417], более десяти лет воевавших с персами на восточной границе. На Восток был отправлен неопытный цезарь Констанций Галл (брат Юлиана), который должен был прикрывать границу, опираясь на незначительные воинские силы. Понимая это, Констанций организовал брак Галла со своей могущественной сестрой, августой Константиной, которая целиком подчинила мужа своему влиянию и удостоилась от Аммиана Марцеллина прозвания «мегеры в человеческом облике» (Maegera quaedam mortalis (Amm. Marc. XIV. 1. 2)). В тылу у римлян вскоре началось восстание иудеев, подавленное Галлом при участии Константины [Мехамадиев, 2020, 39–52].

И что же предпринимает Шапур II? Вместо того чтобы, подобно своему предку Шапуру I, в этот отчаянный для римлян момент атаковать Галла, нанести решающий удар в Армении или на антиохийском направлении, он вдруг заключает с Галлом перемирие и перебрасывает свою первоклассную конницу на восточную границу Сасанидской державы. Объяснение подобным чудесам следует искать в военно-политической

обстановке, сложившейся вдоль левого берега Амударьи, который, по сообщению сирийского автора, был захвачен кочевниками. Сирийская «Хроника Арбелы» сообщает нам, в частности, что Шапур II после тяжелой войны с римлянами был вынужден защищать свою страну против варваров, которые пришли из-за «дальнего моря», т.е. из-за Аральского моря [Mingana, 1907]. С нашей точки зрения, эти варвары и были гуннами, которых Аммиан Марцеллин, следуя своим персидским информаторам (пленным или перебежчикам), называет хионитами. Возможно, первой жертвой хионитов стало т.н. Кушано-Сасанидское царство, исторический преемник Индо-Парфянского царства Гондофара, основные территории которого располагались в восточной части Сасанидских владений. Это царство, по-видимому, представляло собой не самостоятельное государство, а протекторат, который персы установили над бывшими владениями кушанских царей в правление Шапура II [Луконин, 1974, 302–307]. Хиониты атаковали эти территории, следуя древним маршрутам, по которым некогда саки Юэджи вторглись в Греко-Бактрийское царство. Как отмечает Аммиан Марцеллин, основные боевые действия персидского царя против хионитов и геланов (этноним неясного происхождения) развернулись примерно в сер. 350-х гг. Но в 358 г. Шапур заключил с хионитами и геланами мир, который позволил ему вновь перебросить силы на западный фронт и возобновить борьбу с римлянами (Amm. Marc. XVII. 5. 1); [Rezakhani, 2017, 89–93]. Шапур смог победить хионитов и обязал хионитского царя Грумбата платить дань кровью, то есть рекрутировать в сасанидские войска хионитские конные контингенты. Ходад Резахани высказал, на наш взгляд, не слишком убедительное предположение о том, что Аммиан Марцеллин, цитирующий персидские титулы Шапура II, подразумевает под «победоносным царем царей Шапуром» (persis Saporem saasaan appelantibus et pirosen (Amm. Marc. XIX. 2. 11.)) не Шапура II, а кушано-сасанидского царька Пероза, известного благодаря монетам, который отличился в боях с хионитами, геланами и сегестанами на северо-восточной границе [Rezakhani, 2017, 78–79]. Причем, по мнению Аммиана Марцеллина, самыми храбрыми воинами из всех этих враждебных персам племен были сегестаны (segestani acerrimi omnium bellatores (Amm. Marc. XIX. 2. 3.); [Shahbazi, 1986, II/5. 489–499]), шедшие в бой вместе с отрядами боевых слонов. Вероятно, под сегестанами Аммиан имел в виду какие-то остатки саков, сохранявших кочевой образ жизни в ирано-кушанском приграничье (на это указывает наличие отряда слонов, действовавшего вместе с сегестанами) и отождествлявшихся персидским информатором Аммиана с сакастанскими саками времен Артабана I вследствие известного анахронизма восприятия этим информатором современной этнографической действительности. Аммиан, достаточно слабо представлявший себе современную ему этническую географию Среднего Востока, поддался соблазну отождествления кушанских саков, названных его информатором сакастанцами, с известными ему из литературных произведений варварами сегестанами (Σεγέστανοί), которые, по свидетельству Аппиана, населяли Верхнюю Паннонию в эпоху Третьей Македонской войны (171–168 гг. до Р. X.) (App. X. 2.10). Страбон и Плиний Старший упоминают Сегестику (Segestica), область в Паннонии (Strab. VII. 5. 2; Plin. NH III. 148), которая, разумеется, не имела к среднеазиатским кочевникам времен Шапура II никакого отношения. Впрочем, не исключено, что Аммиан, отдавая дань литературной традиции, механически употреблял различные этнонимы (хиониты, геланы, сегестаны) для обозначения одних и тех же кочевых племен. Например, как уже было отмечено, в 19-й книге своего сочинения историк называет самыми храбрыми воинами сегестанов, т.е. саков, а в 17-й книге он устаивает подобной лестной характеристике хионитов и геланов (cum Chionitis et Gelanis omnium acerrimis bellatoribus (Amm. Marc. XVII. 5. 1)).

Проблема этнического происхождения хионитов вызывает особый интерес исследователей в последние годы. Упомянутые Аммианом Марцеллином хиониты известны из памятников парфянской литературы, например из уже упомянутого эпоса «Айадгар-и-Зареран», который восходит к парфянской эпической традиции, повествующей о войнах Фраата II и Артабана I с саками Юэджи. Этноним Chionites у Аммиана представляет собой латинскую передачу среднеперсидского этнонима

Хіуōп/Хуоп или согдийского Хwn, который, в свою очередь, восходит к авестийскому Хііаона. В Авесте этим термином обозначались туранцы, азиатские «скифы», т. е., вероятно, саки, враждебные царям Мидии и учению Заратуштры.

Но как отмечает И. В. Пьянков, в составе Авесты сохранились следы еще более древнего иранского эпоса, благодаря которым можно сделать вывод о том, что враги зороастрийских племен, упомянутые выше Хііаона, не были ираноязычными кочевниками, но были носителями иной культуры [Пьянков, 2013а, 402–428; Пьянков, 2012, 602–605]. В частности, вождь туранцев Fraṅrasyaṇ (Афрасиаб) произносит в тексте Авесты заклинания на неизвестном неиранском наречии. И. В. Пьянков связывает подобное явление с миграциями древних кочевников из Центральной Азии на Запад в XII–VIII вв. до Р. Х., о которых свидетельствует смена ряда археологических культур в Южной Сибири и Средней Азии и которые отчасти совпадают с рассказами древнегреческого путешественника Аристия Проконесского (VII в. до Р. Х.). Главными участниками этих миграций были прототибетские (и протоенисейские) племена, обозначенные в китайских источниках как жуны и ди, а у Аристия Проконесского как аримасы и амазонки. Эти племена серьезно повлияли на развитие восточно-иранских кочевых племен Южной Сибири и Приуралья, в частности на развитие исседонов, а также савроматов Придонья. Вначале на Запад двинулись жуны, а позднее ди, которые представляли собой племена, принадлежавшие к прототибетской и родственной протоенисейской общности. Следствием появления прототибетцев и протоенисейцев в среде восточно-иранских кочевников стало распространение у скифской аристократии «звериного стиля», также других элементов т. н. «скифской триады», акинаков и особого конского снаряжения и, наконец, утверждение у савроматов гинекократии. Последнее обстоятельство объясняет появление древнегреческой традиции, повествующей об амазонках. При этом савроматская гинекократия представляла собой не обычный пережиток матриархата у этого народа, как полагал Б. Н. Граков [Граков, 1947, 100–121], а результат утверждения в ираноязычной кочевой среде прототибетского суперстрата (жуны) и протоенисейского суперстрата (ди). Именно поэтому гинекократия существовала не только у савроматов, но также у азиатских саков, что зафиксировано в древнейшем восточно-иранском эпосе о сакских царицах Зарине (Ctes. Fragm. 7. 8a) и Спаретре (Ctes. Fragm. 9. 3), пересказанном Ктесием и Харесом Митиленским [Пьянков, 2013е, 512–513; Бартольд, 1915, 2–4]. И. В. Пьянков отмечает также, что в указанных миграциях принимало участие племя хьяньюн, которое отождествляется с предками хунну. Исследователь делает на этом основании вывод о тюркоязычии народа хьяньюн, хотя этническая принадлежность хунну и их предков до сих пор представляет собой сложнейшую этнолингвистическую проблему, далекую от разрешения. В действительности древние хунну эпохи первых шаньюей, вероятнее всего, разговаривали на неизвестном восточно-иранском языке, родственном хотано-сакскому [Beckwith, 2018, 53–75; Harmatta, 1994, 485–493; Golden, 2006, 136–157 (142)], а тюркские языки гунно-болгарской группы распространились среди европейских гуннов лишь на заре Средневековья, в эпоху Аттилы, или даже в эпоху т. н. кочевников постгуннского времени. Кроме того, высказывалась убедительная версия о том, что древние хунну изначально говорили на енисейском языке [Vovin, 2000, 87–104; Pulleyblank, 2000, 52–101], что в целом подтверждает теорию И. В. Пьянкова о гегемонии протоенисейских и прототибетских племен в евразийских степях в эпоху поздней Бронзы.

Очевидно, что древний авестийский этноним Хііаона использовался еще в доавестийскую эпоху для характеристики прототибетцев и протоенисейцев (жунов и ди), подчинивших значительную часть кочевых племен скифского круга. В парфянскую эпоху этот этноним употреблялся зороастрийскими мобедами в качестве *terminus technicus* для обозначения саков, позднее аланов, и, наконец, при Сасанидах он определял тех, кто пришел на смену аланам и, подобно древним кочевникам, угрожал Ирану в IV в.

На каком основании мы можем сделать вывод о тождественности хионитов IV в. и гуннов в сочинении Аммиана Марцеллина? Как известно, после окончательного

поражения хунну от сяньбийцев во II в. часть хунну отступила в Семиречье, где создала кочевую орду, известную из китайских источников как Юэбань. Политическая история этого кочевого объединения практически неизвестна, за исключением упоминания высокой степени чистоплотности этих кочевников, сделанного авторами Вэйшу — китайскими историками, которые служили сяньбийским императорам³. В историографии предпринимались попытки противопоставления Юэбани абарам или аварам, которые вторглись в Европу в сер. VI в., и племени уар, возможно, связанным с эфталитами. Примечательно, что Феофилакт Симокатта, византийский историк и секретарь императора Ираклия (610–641), который воспроизводит на страницах своей истории пропагандистскую версию происхождения аваров, известную из знаменитого письма тюркского хана императору Маврикию (582–602), рассказывает, что псевдоавары (так он называет аваров, вторгшихся в Европу) произошли от соединения племен уар и хуни (= уархониты) [La Vassière de, 2015, 91–102; La Vassière de, 2010, 219–224; Гумилев, 1965, 67–76]. Возможно, эта деталь, изложенная Феофилактом Симокаттой, отражает определенную этническую реальность, связанную с тем, что истинные авары (=жужань), бежавшие в сер. VI в. на Запад от тюркотов, присоединили к себе в Семиречье отдельные группировки хунну (= хуни), которые в IV в. входили в состав Юэбань и были связаны с хионитами Аммиана Марцеллина. Вальтер Пол в свое время отмечал, что такие этнонимы, как «хиониты», «уархониты» или даже «авары», могли быть не чем иным, как персидским или согдийским обозначением гуннов [Pohl, 1988, 32].

Наиболее вероятно, что хиониты Аммиана объединили те группировки хунну, которые ушли из Монголии в Среднюю Азию после поражения, понесенного от сяньбийцев, и утвердились в районе Чача [Schuessler, 2014, 257, 264; Fedorov, 2010, 59–67]. Как убедительно отмечает Хоадад Резахани, имя Grumbates происходит от бактрийского Gurambad (= γοραμβαδο), встречающегося в бактрийских документах из Rob [Rezakhani, 2017, 92–93; Sim-Wiliams, 1997, 3–15 (13); Sim-Wiliams, 2010, 56, 119], т.е. имеет ярко выраженное восточноиранское происхождение. Это обстоятельство свидетельствует о культурной ассимиляции и иранизации той группировки кочевников, во главе которой стоял Грумбат. Аммиан Марцеллин, описывая похороны убитого под Амидой царевича, сына Грумбата, свидетельствует о том, что хиониты практиковали трупосожжение, вероятно, с последующим захоронением праха (*post incensum corpus ossaque in argenteam urnam conlecta, quae ad gentem humo mandanda portari statuerat pater* (Amm. Marc. XIX. 2.1)). При этом перед церемонией трупосожжения тело сына Грумбата было выставлено на всеобщее обозрение на высоком помосте, а вокруг были расположены десять лож с изображениями умерших, возможно, других павших в бою хионитов, которые были, по словам историка, «так хорошо изготовлены, что совершенно походили на покойных» (*circaque eum lectuli decem sternuntur figmenta vehentes hominum mortuorum, ita curate pollincta, ut imagines essent corporibus similes iam sepultis* (Amm. Marc. XIX. 1. 10)). Не скрывается ли за этим рассказом Аммиана обычай золочения мертвых тел и выставления их на поклонение, который археологически зафиксирован у саков еще в VII в. до Р. X. (тасмолинская культура) и который связывался И. В. Пьянковым с влиянием на ираноязычных кочевников прототибетского суперстрата [Пьянков, 2013а, 416–417]? Аммиан или его информатор могли легко ошибиться и принять за посмертные *figmenta* сами тела, обработанные специальным образом для поклонения.

Обряд трупосожжения не встречается ни у сарматов, культура которых идентифицируется наличием трупоположения в курганах и могильниках, ни у парфян или персов, которые, следуя Авесте (Видевдату), оставляли тела в дикой природе.

³ В связи с этим сразу вспоминается рассказ Прокопия Кесарийского об эфталитах, которых историк описывает как «белых гуннов», чей образ жизни отличается от «скотского» образа жизни европейских гуннов и их преемников (Просор. ВР I. 3. 5). Возможно, общность сведений Вэйшу и Прокопия может служить подтверждением хуннского (юэбаньского) происхождения эфталитов.

Но трупосожжение с последующим захоронением пепла или фрагментов костяка с инвентарем хорошо известно благодаря памятникам из южнорусских степей, которые датируются гуннской эпохой (2-я пол. IV в. — сер. V в.) [Засецкая, 1994, 12–22]. И. П. Засецкая связывает распространение подобного погребального обряда с сер. IV в. с вторжением в южнорусские степи гуннов, в котором исследователь видит западную экспансию тюрко-монгольских племен хунну. Добавим, что вторжение гуннов/хунну в южнорусские степи, датируемое И. П. Засецкой на основании археологических данных сер. — 2-й пол. IV в. (340–370), хронологически совпадает с экспансией хионитов, геланов и сегестанов в Средней Азии и Тохаристане (350-е). В настоящее время большинство исследователей склоняется к близкому отождествлению хунну и т. н. европейских гуннов, отвергая, в частности, устаревшую теорию М. И. Артамонова и Л. Н. Гумилева, исходя из которой европейские гунны рассматривались как этнос метисов, испытавший сильное влияние угорских приуральских племен и переживший после поражения от сяньбийцев масштабную социокультурную деградацию. При этом, если антропология гуннов, как и антропология поздних сарматов, носит ярко выраженные признаки принадлежности к монголоидной расе, то этническая принадлежность гуннов вызывает дискуссии. Как уже было отмечено выше, современные исследователи признают, что хунну, будучи по происхождению протоенисейским племенным союзом, испытали на себе сильное влияние иранской кочевой культуры, что выразилось как в заимствовании гуннами восточно-иранских языков, например сакских, так и в восприятии гуннами элементов позднесарматской материальной культуры [Боталов, 2009, 171–308; Боталов, Гуцалов, 2000, 28–222]. С этой точки зрения вполне вероятно, что хиониты Аммиана Марцеллина представляли собой группировку азиатских хунну, которые подверглись в период кочевания в Средней Азии известной культурно-лингвистической иранизации. Подобное предположение не означает, что мы должны отбросить исходную енисейскую гипотезу происхождения хунну [Huang Yungzhi, 2016, 93–108], ибо культурно-языковая иранизация хунну происходила по мере их дальнейшего распространения по евразийским степям в западном направлении.

Аммиан Марцеллин в рассказе о событиях римско-персидской «войны-продолжения», которую начал Шапур в 359 г., приводит интересный фрагмент из письма персидского шаха Шапура II (307–379) императору Констанцию II (337–361). Шапур II кратко формулирует в этом фрагменте внешнеполитическую программу Сасанидского государства, направленную на восстановление державы Ахеменидов и ее западной границы. Шапур II, в частности, пишет следующее: «О том, что мои предки владели территориями до реки Стримон и границ Македонии, свидетельствуют даже ваши старые записи. Требовать прежних границ подобает мне, так как я — никто не сочтет высокомерным мое заявление — превосхожу древних царей блеском и множеством выдающихся подвигов. На сердце у меня прежде всего чувство правды; придерживаясь его, я никогда не сделал ничего такого, в чем бы приходилось каяться. Я должен поэтому возратить себе Армению и Месопотамию, которые были коварно отняты у моего деда» (*Ad usque Strymona flumen et Macedonicos fines tenuisse maiores meos, antiquitates quoque vestrae testantur: haec me convenit flagitare — ne sit adrogans, quod adfirmo — splendore virtutumque insignium serie vetustis regibus antistantem, sed ubique mihi cordi est recta ratio, cui coalitus ab adulescentia prima nihil umquam paenitendum admisi. Ideoque Armeniam recuperare cum Mesopotamia debeo, avo meo composita fraude praereptam* (Amm. Marc. XVII. 5. 5–6)).

Итак, в изложении Аммиана Марцеллина, Шапур II повторяет основные тезисы внешнеполитической доктрины своих предшественников: Ардашира I Папакана (224/227–240/241) и Шапура I (240/243–272/273), которые, по свидетельству Геродиана, преследовали цель реконквисты Передней Азии [Herod. VI. 2. 2; VI. 2. 6–7]. Историк III в. Геродиан утверждает, что шахи Ирана мечтали о воссоздании империи Ахеменидов, со времен Кира Великого (559–530 гг. до Р. Х.) владевшей всей Азией вплоть до Геллеспонта и, добавим, не только Азией, но в эпоху Дария I (522–486 гг. до Р. Х.)

и Ксеркса I (486–465 гг. до Р. Х.) также фракийским побережьем и, вероятно, даже Македонией [Борза, 2013, 142–155]. Проблема сасанидо-ахеменидской преемственности представляется дискуссионной, ибо сама по себе идея подобной преемственности в большей степени соотноствовалась представлениям о персах греко-римских интеллектуалов времен императора Александра Севера (222–235), чем самим персам времен Арташира Папакана, пережившим столетия парфянского владычества. И если ахеменидские цари подражали древним самодержцам Элама, Мидии и Вавилона [Дандамаев, 2013, 52–87; Дандамаев, 2015, 207–322], то сасанидская идеология, как уже было отмечено, формировалась под сильным парфянским влиянием. Этим же влиянием, вероятно, следует объяснять рецепцию и реинтерпретацию аршакидской идеологии, утверждавшей принцип ахеменидо-аршакидского континуитета, в раннесасанидскую эпоху. Вторжение хионитов в пределы Ирана должно было точно таким же образом оживить парфянские предания о борьбе царей Аршакидов со среднеазиатскими кочевниками: саками и аланами.

И здесь мы можем реконструировать дальнейшие события по аналогии с событиями давно минувшими. В историографии (М. И. Ростовцевым) высказывалось мнение о том, что вторжение сарматов в Скифию в кон. IV – нач. III вв. до Р. Х. и последующее полное разорение ими скифских территорий, упомянутое Диодором Сицилийским, стало прямым следствием похода Александра III Македонского в Среднюю Азию (329–326 гг. до Р. Х.). Поход Александра в Среднюю Азию заставил кочевые массагетские племена, тесно связанные с савроматами и исседонами общностью языка и культуры, покинуть степи Приуралья и начать отступление на Запад, за Волгу и Дон [Скрипкин, 2017, 132; Алексеев 2003, 250–251]. Как показал Марек Ольбрыхт, сако-массагетские племена поставляли Александру воинские контингенты для похода в Индию, а с 323 г. до Р. Х. иранские подразделения уже составляли большинство в армии Александра [Olbrycht, 2004, 102–204]. Не исключено, что значительная часть кочевой массагетской аристократии, не желавшая поставлять Александру дань воинами и женщинами, действительно предпочла тогда уйти на Север, а затем на Запад, за Волгу.

С этой точки зрения вполне возможно, что победа Шапура II над хионитами в Сасанидо-Кушанском царстве и включение дружины Грумбата в состав персидской армии на какое-то время точно таким же образом привело к изменению направления миграции среднеазиатских гуннов. Это обстоятельство могло спровоцировать знаменитые события нач. 370-х гг., которые были столь талантливо описаны Аммианом Марцеллином и Иорданом. Не исключено, что какая-то значительная часть гуннов ушла из Средней Азии на рубеже 350–360-х гг. на фоне известий о поражениях, понесенных их родичами – хионитами, геланами и сегестанами Аммиана Марцеллина – от персов. Десять лет спустя эти орды белгцов нанесли удар по аланам-танаитам, форсировали Дон, а затем под командованием Баламбера разгромили готов Германариха и остготов Винитария (Iord. Getica 247); [Казанский, 2014, 28–51 (39)]. Понять внутренние социально-политические процессы, происходившие в этот период у гуннов, чрезвычайно сложно из-за крайнего дефицита письменных источников. Поэтому, учитывая важное значение хунно-сакского и гунно-сарматского симбиоза в евразийских степях, можно предложить реконструкцию ранней гуннской истории сер. IV в. по аналогии с историей более детально изученного сарматского общества.

Сводки сарматского оружия и доспехов, составленные в разное время А. М. Хазановым и А. В. Симоненко, свидетельствуют о наличии у этих кочевников самостоятельного комплекса наступательного и оборонительного вооружения, включавшего длинные копья и конский доспех. Таким образом, сарматы в ходе своей военной экспансии на Запад мало зависели от импорта македонского или римского вооружения. Сарматский комплекс вооружения, активно эволюционируя, сохранял свою популярность до сер. III в. по Р. Х., т. е. вплоть до появления в Северном Причерноморье готов и формирования т. н. гого-аланского комплекса вооружения [Симоненко, 2010, 13–256; Хазанов, 1971, 5–94]. А. В. Симоненко выделяет три волны импорта римских изделий

на территорию Северного Причерноморья в сарматскую эпоху, а также дополнительный «позднеримский» этап импорта. Эти волны импорта в полной мере отражают интенсивность контактов между сарматами и Римской империей, которые, как правило, приобретали характер войн и грабительских набегов кочевников на приграничные районы империи. В частности, первая волна импорта связана с войнами понтийского царя Митридата VI Эвпатора (120–63 гг. до Р. Х.) против римлян. Вторая волна обусловлена активными контактами между Римской империей и Боспорским царством (2-я пол. I — сер. II в. по Р. Х.). Третья волна была вызвана маркоманскими войнами и участием в них сарматов (2-я пол. II — 1-я пол. III в.). Наконец, «позднеримские» контакты, связанные с импортом сарматами римских изделий, были обусловлены взаимоотношениями между сарматами и федератами империи — в первую очередь готами (2-я пол. IV — нач. V в.) [Симоненко, 2011, 5–160]. Указанное обстоятельство подтверждает, что сарматы, активно контактируя с римским миром, играли активную и агрессивную роль в военных и экономических отношениях с этим миром, так же как позднее, в V в., это делали гунны, распространившие вдоль Дунайского лимеса знаменитый полихромный стиль. Если сарматы и гунны были заинтересованы в бытовых предметах роскоши, драгоценностях и монетах, то римляне периода упадка империи нуждались в сарматских и гуннских наемниках, которые были готовы за деньги защищать одряхлевший Великий Рим и несметные богатства городских куриалов [Лебедева, 1990, 21–30]. Некогда после завоевания Скифии сарматы создали в Северном Причерноморье устойчивые военно-политические объединения. Лидером одного из таких объединений была сарматская царица Амага, воевавшая со скифами во II в. до Р. Х. (Polien. Strat. VIII. 56). Этим же путем следовали гунны после завоевания Северного Причерноморья в 370-е гг.

Ожесточенные войны Римской империи с сарматами продолжались как на протяжении всего периода тетрархии, так и позднее, при Константине Великом и его преемниках. Эти войны были связаны с рядом факторов, важнейшим из которых следует признать перманентную миграцию сарматских племен на Запад в Подунавье под нажимом некоей более мощной силы, шедшей с Востока. Очевидно, что этой силой могли быть либо аланы, либо гунны, постепенно распространявшиеся по евразийским степям после своего поражения, понесенного от сяньбийцев в конце I в. по Р. Х. Аналогии подобным процессам можно найти в истории кочевников Средневековья и даже кочевников раннего Нового времени. Разница между ними заключается только в более быстрых темпах миграций в Средние века по сравнению с античными миграциями. Например, стремительная экспансия половцев на Запад в сер. XI в., по мнению Д. А. Расовского, была спровоцирована давлением на них Киданьской империи Ляо [Расовский, 1936, 175–192]. Вторжение ойратов в волжские и донские степи в нач. XVII в., с точки зрения А. С. Скрипкина, стало следствием наступления на них восточных монголов [Скрипкин, 2012, 433–438]. В период миграции сарматов на Запад в 1-й пол. IV в. старые племена — языги и роксоланы, очевидно, уже утратили своеобразие и образовали новые племенные союзы, вступая в договоры с германскими племенами, например с квадами. Ранние волны паннонских сарматов, возможно, встали в это время на путь эволюции от кочевого культурно-хозяйственного типа к полуоседлому, но были быстро завоеваны новыми кочевыми волнами соплеменников, которые рассматривали любое оседлое население как потенциальный источник рабов и добычи. Так, вероятно, появилось разделение паннонских сарматов на сарматов-рабов (или, иначе, сарматов-лимигантов) и пришедших позднее свободных сарматов, которых описывают Евсевий Кесарийский и Аммиан Марцеллин, рассказывая о войнах с сарматами Константина Великого и его сына Констанция II. Аорсы и сирахи еще на рубеже I–II вв. были завоеваны аланами, которые оставались главной военно-политической силой в донских степях и в Предкавказье вплоть до появления там гуннов в 370-е гг. [Altheim, 1969, 57–84].

Благодаря китайским источникам («Ши Цзи») известно, что предшественники аланов, верхние аорсы, во II в. до Р. Х. кочевали у побережья Аральского моря

и образовали там кочевое княжество Яньцай [Боровкова, 2001, 360–361]. Возможно, этот термин употреблялся китайцами позднее для обозначения аланов, кочевавших в этом регионе. Хорезмийский историк X в. Аль-Бируни сообщает, что аланы и асы еще в его время кочевали вдоль нижнего течения Амударьи, а изолированные аланские группы фиксировались русскими этнографами в Средней Азии, например в Закаспийской области, даже в нач. XX в. Все это свидетельствует в пользу того, что накануне вторжения гуннов в южнорусские степи аланы-танаиты представляли собой не локальную группу кочевников, сконцентрированную в Северном Приазовье и Придонье, а большой племенной союз, власть которого распространялась на обширные территории от Дона до южноуральских и прикаспийских степей подобно тому, как в XI–XIII вв. эти же территории контролировались половцами (Дешт-и-Кипчак).

До прихода гуннов европейские аланы, вероятно, уже доминировали над носителями черняховской культуры, т.е. над готами. Это доминирование упомянуто Евсевием в рассказе о восстании готов, поднятом с целью свергнуть господство сарматов (Euseb. VC IV. 5–6), и оно запечатлелось в общегерманской эпической традиции. Об этом свидетельствует инкорпорирование легенды об асах и Асгарде в корпус средневековых скандинавских саг, в частности в «Ynglinga saga», записанную в XIII в. исландским скальдом Снорри Стурлусоном (Снорри Стурлусон, 1980, 4). Доминирование аланов в германской кочевой среде сохранялось и позднее, например в вандалском племенном союзе. Как сообщают Ренат Профутур Фригерид в изложении Григория Турского и Идаций, аланские цари Респендиал (Respendial = Ρησπινδιάλος от авест. Spəntōdāta?) и Аддак (Addac) [PLRE 1980: 8, 940; Waszak, 2016, 72–77] в нач. V в. вместе с вандалами нанесли поражение франкам, в 406 г. прорвали рейнскую границу Западной Римской империи, а затем вторглись в Галлию и Испанию (Greg. Tur. Historia II. 9; Hyd. Lem. LXVIII (a.d. 418)). Аланы, по-видимому, возглавляли вандалские кочевые объединения синлингов и асдингов, ибо в Испании именно аланы захватили наиболее обширные территории Иберийского полуострова по сравнению с территориями, которые достались синлингам и асдингам. Аланы удерживали эти территории вплоть до поражения, понесенного от вестготов в 418 г. и последующего вынужденного подчинения асдингам (Гензериху) [Bachrach, 1973, 51–59; Кулаковский, 2000, 81–122; Кузнецов, Пудовин, 1961, 79–95]. Позднее, в эпоху Юстиниана I (527–565), готы тетракситы, ушедшие на Западный Кавказ и обитавшие в районе Цемесской бухты, принимали участие в войне утигуров против кутригуров [Казанский, 2020, 119]. Не исключено, что готы тетракситы были не только союзниками утигуров, но также сохраняли контакты с аланами, кочевавшими в степях Предкавказья.

Письменные источники не располагают более подробной информацией относительно социально-политической ситуации, сложившейся внутри сарматских племен накануне вторжения гуннов. Нам представляется вполне вероятным, что учащение сарматских набегов на Дунайский лимес Римской империи в кон. III – 1-й пол. IV в. было непосредственным образом связано с усиливавшимся давлением аланов Предкавказья на аланов-танаитов в донских степях и вытеснением аланми-танаитами соседних сарматских племен и готов-«черняховцев» на Запад. Старая дискуссия К. Ф. Смирнова с Яношем Харматтой о существовании сарматской кочевой «империи» или же «конфедерации» уже в I в. до Р. Х. [Смирнов, 1984, 123; Harmatta, 1950, 13; Harmatta, 1970, 12–20] в реалиях IV в. приобретает характер спора о существовании аланской кочевой «империи», за пределами которой находились западные сарматские племена, потомки древних языгов и роксоланов, а также о не менее серьезной проблеме алано-гуннского континуитета [Golden, 2016, 79–107]. Как отмечал А. С. Скрипкин, «В материальной культуре поздних сарматов также просматривается очевидное восточное влияние: мечи с халцедоновыми навершиями и нефритовыми скобами; костяные обкладки луков; ряд типов керамики находит аналоги в Средней Азии. Важными аргументами в этом отношении являются антропологические показатели: увеличение монголоидной примеси и появление искусственной деформации черепов... формирование позднесарматской культуры проходило при активном участии

новой волны кочевников, продвинувшихся в степи Восточной Европы из районов Средней Азии» [Скрипкин, 1990, 221].

М. И. Артамонов, Франц Альтхейм, И. П. Засецкая связывали первое упоминание хунну в европейских источниках с Дионисием Периегетом, который писал во II в. о хунну как о народе, обитающем в степях около Аральского моря [Скрипкин, 2010, 28; Артамонов, 1962, 42; Засецкая, 1971, 5]. Но Отто Менхен-Хельфен и его оппонент Л. Н. Гумилев допускали, что упоминание гуннов в тексте Дионисия Периегета есть банальное следствие ошибки позднего переписчика, бывшего современником нашествия гуннов на Европу [Maenchen-Helfen, 1945, 244–252; Гумилев, 1960, 120–125]. Когда гунны впервые появились на военно-политическом горизонте Римской империи в качестве непосредственной угрозы?

Не исключено, что традиционное представление о том, будто наступление гуннов Баламбера в 370-е гг. на аланов и готов было первым масштабным нападением гуннов на римскую периферию, нуждается в пересмотре. Е. А. Мехамадиев предполагает, что сообщение Евсевия о войне правителя Римского Востока Максимиана Дазы с армянами в период гражданских войн между тетрархами (Euseb. HE IX. 8. 2) ошибочно и в действительности Максимиан Дазы направлял свои войска, в частности легион XII Fulminata, на помощь армянскому царю Трдату III (298–330) для отражения нападения гуннов. После разгрома Максимиана Дазы Лицинием победитель унаследовал обязательства побежденного. Зимой 313/314 г. полевая армия Лициния, по мнению исследователя, также воевала с гуннами на территории Армении [Мехамадиев, 2015, 111–133]. Малоизвестная армянская кампания Максимиана Дазы, а затем Лициния важна в свете гипотезы Е. А. Мехамадиева прежде всего тем, что упоминание Евсевия об этой кампании может быть одним из самых ранних, пусть даже и косвенных свидетелей появления гуннов в пределах Армении и на границах Римской империи.

Точка зрения Е. А. Мехамадиева, впрочем, не бесспорна. Дербентский и Дарьяльский проходы уже были традиционными маршрутами аланских набегов как на восточные провинции Римской империи, так и на Парфию в I–II вв., т. е. задолго до появления гуннов. Наиболее известным из этих аланских набегов является набег 135 г. на Армению и Каппадокию, в отражении которого принимал участие знаменитый наместник Каппадокии Флавий Арриан, автор «Диспозиции против аланов» (Нефедкин, 2010, 197–212). Если гунны завладели этими маршрутами уже в нач. IV в., в таком случае совершенно необъяснимо, по какой же причине гуннское завоевание аланов-танайтов, а затем и готов Германариха произошло не в 1-й пол. IV в., сразу же после предполагаемого утверждения господства гуннов в степях Предкавказья, а только на семьдесят лет позже.

Аланы Предкавказья благополучно пережили нашествие гуннов. В 558 г. аланский царь Саросий выступил посредником в переговорах между Юстинианом I (527–565) и аварами [Pohl, 1988, 18], следовательно, аланы по-прежнему прочно контролировали в это время наиболее важные ущелья Северного Кавказа. В противном случае аланы не представляли бы собой для Константинопольского двора столь ценных клиентов. В нач. VIII в. Юстиниан II Ринотмет (685–695; 705–711) отправил к аланскому царю Итаксию спатария Льва Исавра, будущего императора, для переговоров о совместных действиях против абасгов и арабов в Закавказье [Speck, 2002, 115–137]. Как справедливо отмечал А. С. Скрипкин, те же самые проходы через Кавказский хребет использовались в нач. XIII в. монгольскими отрядами Субедея и Джэбэ, которые с боями обогнули южный берег Каспийского моря, прошли через Кавказские проходы, вырвались в кубанские и донские степи, где разбили аланов, а затем и русских князей с половцами в битве на реке Калка в 1223 г. [Скрипкин, 2017, 205]. Таким образом, даже спустя много веков после нашествия гуннов аланы сохраняли контроль над степями Предкавказья и, следовательно, за Кавказскими проходами — и удерживали его вплоть до XIII в. Мы предполагаем, что отсутствие в нач. IV в. каких бы то ни было достоверных военно-политических событий в Северном Причерноморье, связанных с гуннами, свидетельствует о том, что противниками Максимиана Дазы и Лициния

в Армении в 312–314 гг., если принять гипотезу Е. А. Мехмадиева, могли быть аланы Предкавказья. Кавказские ущелья, Дербентский и Дарьяльский проходы станут традиционными маршрутами вторжения гуннов (акациров) в восточные провинции Римской империи значительно позже, только начиная с 395 г. [Гадло, 1979, 17–19], что, вероятно, было связано с временным ослаблением аланов Предкавказья. Следует признать, что предположение Е. А. Мехмадиева основывается на достаточно произвольной критике текста Евсевия, при которой совершенно необоснованно игнорируется религиозный фактор, определявший отношение к армянским христианам Максимиана Дазы. С таким же успехом можно допустить, что Евсевий был прав, Максимиан Дазы начал войну против армянского царя, следуя своему антихристианскому политическому курсу, а если кочевники, например аланы, и играли в этом конфликте какую-то роль, впрочем, никак не упомянутую Евсевием, то, скорее всего, они воевали против римлян на стороне Трдата.

Экскурс Аммиана Марцеллина в этнографию аланов, в отличие от его гуннского экскурса, был, по выражению М. И. Ростовцева, составлен «по литературным трафаретам» [Ростовцев, 1925, 83] и может быть использован для характеристики практически любого древнего кочевого народа представителями греко-римской культуры. С точки зрения исторической этнографии этот экскурс крайне мало информативен, что существенным образом усложняет нашу задачу. Как показал Августин Алемань, значительная часть этнонимов и характеристик, упомянутых историком в связи с аланами, была просто заимствована им у Геродота, Птолемея и у других древних авторов [Alemanni, 2000, 32–42], поэтому большая часть информации Аммиана об этнополитической ситуации, сложившейся в Северном Причерноморье к нач. 370-х гг., во многом совершенно не адекватна своему времени. Намного большую ценность имеет фраза, вложенная историком в уста императора Юлиана в период его персидского похода. Юлиан говорит, что аланы представляют собой древних массагетов: «Не стану говорить о Лукулле или Помпее, который, пройдя через земли албанов и массагетов (которых мы называем теперь аланами), разбил и это племя (персов) и видел Каспийское море» (*namque ut Lucullum transeam vel Pompeium, qui per Albanos et Massagetas, quos Alanos nunc appellamus, hac quoque natione perrupta vidit Caspius lacus* (Amm. Marc. XXIII. 5. 16)). Таким образом, Аммиан Марцеллин сообщает важную информацию об этническом и культурном родстве и преемстве, существовавшем между древними массагетами западной части Средней Азии (восточного Прикаспия) и современными ему аланами.

Сведения о массагетах, популярные среди римской образованной публики IV в., восходили к Страбону и Геродоту и были в известном смысле обобщены Евсевием. Как отмечает Евсевий со ссылкой на устное предание (*ιστοροῦνται*), массагеты и дербики полагали несчастными тех своих родственников, которые умирали естественной смертью, и поэтому закалывали стариков и употребляли в пищу (Euseb. Praep. Evang. I. 4. 7). Подобное сообщение Евсевия повторяет аналогичные известия Геродота и Страбона (Hrdt. I. 216; Strab. XI. 8. 6), которые также уличают массагетов в геронтоциде и эндоканнибализме. Дербики были во времена Геродота одним из племен массагетской конфедерации и принимали участие в войне против Кира Великого под командованием царицы Томирис [Пьянков, 2013b, 465–492; Щеглов, 1998, 114–118; Немировский, 2005, 217–224]. Обычай геронтоцида действительно зафиксирован у некоторых примитивных народов, причем не только в древности. В частности, Прокопий Кесарийский рассказывает о существовании геронтоцида в его эпоху (1-я пол. VI в.) у восточно-германского племени герулов (Procop. BG II. 14), которое сыграло определенную роль во вторжении гуннов в Европу. Случаи геронтоцида, часто связанные с магическими практиками, зафиксированы даже в Российской империи в XVIII – 1-й пол. XIX вв., например у крестьян Глуховского уезда Черниговской губернии [Литвинова, 1885, 354–356]. Однако в среде сарматских племен и гуннов подобный обычай, по-видимому, не известен.

Социальная история сарматов, и в частности аланов, позволяет исследователю привлечь широкий географический материал от Подонья и южнорусских степей

в целом до Кавказа и Средней Азии [Вдовченко, 2017, 89–128]. Поэтому социальная организация аланских племен, сохранявшая доминирующее положение в степях вплоть до появления гуннов, в известной степени может помочь представить основные тенденции социального развития гуннов в этот период. Как уже отмечалось, вторжение гуннов (хионитов) в Кушано-Сасанидское царство в 350-х гг., в сущности, осуществлялось по тем же маршрутам, по которым некогда происходило вторжение родственных аланам сакских племен в Греко-Бактрийское царство и позднее самих аланов в Парфию. Параллельно происходила языковая и культурная иранизация гуннов под аланским влиянием — подобно тому, как господство хунну в Китае в 1-й половине IV в. привело к быстрой китаизации кочевой элиты. Примером подобной культурной и языковой китаизации, которая, впрочем, не предполагала разрыв со своими соплеменниками, служит биография Лю Юаня (Юань-хая 劉淵; †310), талантливого полководца и шаньюя, первого хуннского императора созданного им государства Северная Хань [Гумилев, 1974, 46–53]. Учитывая влияние на гуннов ираноязычного племенного субстрата в процессе миграции остатков хунну из Монголии в приуральские, а затем и в приволжские степи, мы имеем достаточно оснований для вывода о том, что аналогия между социальными структурами аланов и гуннов способствует лучшему пониманию причин экспансии гуннов, направленной как в Среднюю Азию и Бактрию (в 350-е гг. хиониты, позднее, в V в., кидариты и эфталиты), так одновременно и в западном направлении: за Волгу и вплоть до Паннонии.

Наиболее распространенная гипотеза аланского этногенеза, встречающаяся, в частности, в работах А. С. Скрипкина, предполагает, что аланы выделились из племенного союза верхних аорсов, но при этом развитие аланского племенного союза не следует прямолинейно отождествлять с распространением позднесарматской (шиповской) археологической культуры [Скрипкин, 2010, 26–30]. Сообщение Аммиана Марцеллина о том, что аланы — это «древние массагеты» или «бывшие массагеты» (Amm. Marc. XXXI. 2. 12–25), свидетельствует о глубоких связях аланского племенного союза с кочевыми племенами Средней Азии и подтверждает надплеменной характер аланской общности [Скрипкин, 2017, 239–244]. Мы полагаем, что изначально аланы не были субэтнической группой, которая отличалась бы по языку и культуре от верхних аорсов, но представляли собой социальное объединение сарматских воинов-изгоев. Возможно, с этим был связан ряд специфических черт, привнесенных аланами как в позднесарматскую культуру, так и в гунно-сарматскую культуру, выделяемую С. Г. Боталовым на материалах памятников Южного Урала и Южной Сибири, например обычай искусственной деформации черепа [Скрипкин, 2017, 236–239]. А. С. Скрипкин в связи с этим отмечает, что «скорее всего, общество позднесарматской культуры представляло собой палеосоциум, ориентируемый кроме кочевого хозяйства на военное дело» [Скрипкин, 2017, 236], что в равной степени справедливо для характеристики как аланов, так и гуннов.

Изгои представляли собой выходцев из различных сарматских и сакских племен, но были объединены общей бедой и общим языком, возможно, особым военным жаргоном, аланским наречием, имевшим ряд диалектальных отличий от языка верхних аорсов. Таким образом, первоначально аланы представляли собой не этническое, а социально-профессиональное объединение нукеров, иными словами — дружину, которая объединялась вокруг военного вождя, царя, хана и по мере усиления за счет грабежей и притока новых сил меняла сложившуюся военно-политическую, а затем и этническую реальность. Аланы в эпоху Арриана были столь же грозной силой на границах римской периферии, какой до этого были дахи Аршака, роксоланы Амаги [Ростовцев, 1915, 58] или аорсы времен Фарзоя и Имисмея [Тохтасьев, 2013, 565–607; Виноградов, 1994, 151–170]. Ряд наблюдений свидетельствует о том, что ранние гунны, кочевавшие в прикаспийских степях, воспроизводили дружинную организацию, существовавшую у аланов, вокруг которой формировалась социальная кочевая среда «chiefdom». В частности, армянский историк Фавстос Бузанд сообщает о нападении массагетского царя Санесана на Армению в правление Хосрова III Котака

(330–338), предположительно в 335 г. Санесан объединил вокруг себя дружины окрестных племен, в частности гуннов и аланов, для успешного нападения на Армению, которое закончилось для него весьма плачевно [Langlois, 1867, III, 7].

Очевидно, Грумбат представлял собой как раз такого же военного вождя, полевого командира хионитов, каким был царь массагетов Санесан и каким будет впоследствии гуннский вождь Баламбер. Дружинная культура гуннов, которая отражала характерную для них, так же как и для аланов, социальную организацию, превращала гуннские конные отряды, оснащенные первоклассным оборонительным и наступательным вооружением, а также мощными бронебойными луками с костяными накладками, в важный военный козырь для любого, кто этими дружинами в данный момент располагал. Специалисты в области истории вооружения кочевников евразийских степей полагают, что в общем и целом комплекс вооружения азиатских гуннов представлял собой новый этап в развитии вооружения и доспеха, известного благодаря кангюйским памятникам или памятникам кенкольской культуры [Никонов, 2003, 120–135, 185–231]. Общие вид и конструкция доспеха азиатских гуннов, по-видимому, напоминали доспехи сакских всадников на Орлатской пластине. Длинные мечи гуннов связаны своим происхождением с военной традицией Ирана и Центральной Азии. В гуннских погребениях иногда попадаются мечи китайского образца [Засецкая, 1994, 23–40], выменянные на скот в хуннских государствах Китая или захваченные в бою. Как отмечает И. П. Засецкая, исследование типов гуннских наконечников стрел показывает, что ни один из них не имеет корней в местном алано-сарматском комплексе вооружения, но каждый из этих типов связан своим происхождением с Центральной Азией [Засецкая, 1994, 39]. Впрочем, нельзя исключать также определенной доли влияния алано-сарматского комплекса вооружения и тактики на европейских гуннов во 2-й пол. IV в. [Хазанов, 1971, 91–94; Симоненко, 2009, 252–254]. Как полагает В. П. Никонов, военное искусство и вооружение европейских гуннов после покорения ими южнорусских степей и паннонской равнины эволюционировало под влиянием завоеванных гуннами германских племен. Впрочем, основной принцип военного искусства гуннов, предполагавший наличие и использование крупных масс конницы, вооруженной дальнебойными луками, изменений не претерпел до гибели Атиллы [Никонов, 2002, 223–317]. Вместе с тем очевидно, что среднеазиатские гунны-хиониты, скорее всего, традиционно поставляли в сасанидскую армию контингенты латников – катафрактов. Это обстоятельство и позволило Аммиану Марцеллину оставить нам краткий, но запоминающийся портрет храброго хионитского царя Грумбата, восседавшего на великолепном коне рядом с Шапуром II: «Рядом с ним [Шапуром] с левой стороны ехал Грумбат, новый царь хионитов, человек средних лет, уже покрытый морщинами, правитель выдающегося ума и прославленный множеством побед» (*Quem iuxta laevus incedebat Grumbates Chionitarum rex novus aetate quidem media rugosisque membris sed mente quadam grandifica multisque victoriarum insignibus nobilis* (Amm. Marc. XVIII. 6. 22.)); «И вот, как только рассвело, царь хионитов Грумбат, взявший на себя проведение переговоров, смело приблизился к стенам, окруженный отборным отрядом телохранителей. Когда опытный наводчик одного орудия заметил, что он находится в поле его обстрела, то натянул свою баллисту и пробил выстрелом панцирь и грудь юному сыну Грумбата, находившемуся рядом с отцом. Высоким ростом и красотой этот юноша превосходил своих сверстников» (*Ideo que cum prima lux advenisset, rex Chionitarum Grumbates fidenter suam operam navaturus tendebat ad moenia cum manu promptissima stipatorum, quem ubi venientem iam telo forte contiguum contemplator peritissimus advertisset, contorta ballista filium eius primae pubis adulescentem lateri paterno haerentem thorace cum pectore perforato perfodit proceritate et decore corporis aequalibus antestantem* (Amm. Marc. XIX. 1. 7)).

В заключение отметим, что реконструкция политической истории хионитов и гуннов накануне их вторжения в пределы «державы» Германариха, описанного Аммианом Марцеллином в заключительной части его сочинения, определенно позволяет судить о военно-политических связях гуннов со среднеазиатскими хионитами

(даже если эти народы не были в полной мере тождественны), а также подтверждает значительную роль аланов в становлении гуннской кочевой «империи». Более поздняя история гуннов времен Аттилы подтверждает подобные связи, ибо только среднеазиатские кочевники могли быть передаточным звеном в процессе рецепции гуннской придворной знатью сер. V в. политических традиций Сасанидского двора, в частности персидских титулов, которые были неоднократно отмечены исследователями [Altheim, 1962, V, 193–242; Шувалов, 2001, 130–145].

Источники и литература

Источники

1. Амбарцумян (2009) — Амбарцумян А. А. «Айадгар-и-Зареран». Древнеиранский эпический памятник. СПб., 2009.
2. Нефедкин (2010) — Флавий Арриан. Тактическое искусство / Пер. А. К. Нефедкина. СПб.: Нестор-История, 2010.
3. Снорри Стурлусон (1980) — Снорри Стурлусон. Круг Земной. Сага об Инглингах / Пер. М. И. Стеблин-Каменского. М.: Наука, 1980.
4. Фирдоуси (1960) — Фирдоуси. Шахнаме. От сказания о Ростеме и Сохрабе до сказания о Ростеме и хакане Чина / Пер. Ц. Б. Бану-Лахути. Комм. А. А. Старикова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 2.
5. Чунакова (1987) — Чунакова О. М. Книга деяний Ардашира сына Папака. М., 1987.
6. Amm. Marc. — Ammiani Marcellini Res Gestae / Hrsg. von V. Gardthausen. Vol. I–II. Leipzig, 1874.
7. Anon. Val. — Valesianus Anonymus. Origo Constantini / Hrsg. von I. König. (Trierer historische Forschungen XI). Trier: THF, 1987.
8. App. — Appiani Historia Romana / Hrsg. von P. Viereck, A. G. Roos. Leipzig, Teubner, 1962. Vol. I.
9. Aur. Vict. — Sexti Aurelii Victoris Opera / Hrsg. von F. Pichlmayr. Leipzig, 1911.
10. Cons. Const. — Consularia Constantinopolitana / Hrsg. von Th. Mommsen // Chronica Minora saec. IV–VII. Berlin, 1892. Vol. I.
11. Const. Porph. de adm. imper. — Константин Багрянородный. Об управлении империей (de administrando imperii) / Под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. М.: Наука, 1991.
12. Const. Porph. de cerimon. (1829) — Constantini Porphyrogeneti De ceremoniis aulae byzantinae. / Hrsg. von J. J. Reiski. Bonn, 1829. Vol. I.
13. Chron. A. 354 — Chronographus anni CCCLIV / Hrsg. von Th. Mommsen // Chronica Minora saec. IV–VII. Berlin, 1892. Vol. I.
14. Diod. Sic. — Diodore de Sicile: Bibliothèque historique. Fragments / Ed. par P. Goukowsky. Vol. IV: Livres XXXIII–XL. Paris: Les Belles Lettres, 2014.
15. Euseb. Chron. — Eusebii Pamphili Chronicon interprete Hieronymo // Patrologia Latina // Ed. par J.-P. Migne. Paris, 1866. Vol. XXVII.
16. Euseb. HE; VC; Praep. Evang.; ad Isaiam — Eusebii Pamphili Opera Omnia: Historia Ecclesiastica; Vita Constantini; Praeparatio ad Evangelium; Commentarium ad Isaiam // Patrologia Graeca / Ed. par J.-P. Migne. Paris, 1857. Vol. XX, XXI, XXIV.
17. Eutr. — Eutropi Breviarium ab urbe condita cum versionibus Graecis et Pauli Landolfique additamentis / Hrsg. von H. Droysen // Auctores antiquissimi 2. Berlin, 1879.
18. Fest. — Festi Breuiarium Rerum Gestarum Populi Romani (Bibliotheca Scriptorum Graecorum et Romanorum) / Hrsg. von C. Wagener. Leipzig; Prague, 1886.
19. Greg. Tur. — Gregorii Turonensis Opera. Teil 1: Libri historiarum X / Hrsg. von B. Krusch, W. Levison // Scriptores rerum Merovingicarum 1,1. Hannover, 1937.
20. Herod. — Herodiani Regnum post Marcum / Hrsg. von C. M. Lucarini. Muenchen; Leipzig, 2005.

21. Herodot. — Herodoti Historiae / Hrsg. von H. B. Rosen. Berlin; New York: Walter De Gruyter, 2008. Vol. I–II.
22. Hyd. Lem. — Hydatius: Continuatio Chronicorum Hieronymianorum / Hrsg. von Th. Mommsen // Auctores antiquissimi 11: Chronica minora saec. IV. V. VI. VII. (II). Berlin, 1894.
23. Ioan. Antioch. — Ioannis Antiochensis Fragmenta quae supersunt omnia / Hrsg. von S. Mariev. Berlin; New York: De Gruyter, 2008. (CFHB 47).
24. Ioan. Mal. — Ioannis Malalae Chronographia / Hrsg. von I. Thurn. Berlin; New York: De Gruyter, 2000. (CFHB 35).
25. Ioan. Zon. — Ioannis Zonarae Annales. Libri XIII–XVIII / Hrsg. von Th. Buettner-Wobst. Bonn, 1897.
26. Iord. — Iordanis Romana et Getica / Hrsg. von Th. Mommsen. Berlin, 1882.
27. Iust. — Iustini Epitoma Historiarum Philippicarum Pompei Trogi. Accedunt Prologi in Pompeium Trogum / Hrsg. von O. Seel. Stuttgart, 1972.
28. Langlois (1867) — Faustus de Byzance. Bibliothèque historique / Trad. par V. Langlois. Paris, 1867.
29. Iulian. — L'Empereur Julien. Oeuvres complètes. Discours de Julien César (I–V) / Ed. par J. Bidez. Paris: Les Belles Lettres, 2019.
30. Mingana (1907) — La Chronique d'Arbèles / Trad. par A. Mingana. Leipzig, 1907.
31. Petr. Patr. — Petri Patricii Fragmenta // Corpus scriptorum Historiae Byzantinae. Barthold Georg Niebuhr I: Dexippi, Eunapii, Petri Patricii, Prisci, Malchi, Menandri, Olympiodori, Candidi, Nonnosi et Theophanis, historiarum reliquiae, Procopii et Prisciani panegyrici, graece et latine. Bonnae: Impensis Ed. Weberi, 1829.
32. Philost. — Philostorgius. Kirchengeschichte mit dem Leben des Lucian von Antiochien und den Fragmenten eines arianischen Historiographen / Hrsg. von J. Bidez. Leipzig, 1913.
33. Plin. NH — C. Plinii Secundi naturalis historiae libri XXXVII / Hrsg. von L. von Jan, K. Mayhoff. Stuttgart: Teubner, 1967–2002.
34. Procop. — Procopii Caesariensis Opera Omnia / Hrsg. von J. Haury. Leipzig: Teubner, 1905–1913. Vol. I–IV.
35. Ps. Aur. Vict. — Sexti Aurelii Victoris Opera / Hrsg. von F. Pichlmayr. Leipzig, 1911.
36. SHA — Scriptores Historiae Augustae / Hrsg. von E. Hohl. Leipzig, 1965. Vol. I–II.
37. Socr. Schol. — Socrati Scholastici Ecclesiastica Historia / Ed. by R. Hussey. Oxford, 1853.
38. Strab. — Strabon: Géographie / Ed. par G. Aujac. Paris: Les Belles Lettres, 1966–2014. Vol. I–XV.
39. CTh — Theodosiani libri XVI cum constitutionibus Sirmondianis et leges novellae ad Theodosianum pertinentes / Hrsg. von Th. Mommsen. Berlin, 1905. Vol. I–II.
40. Zos. — Zosimi Historia Nova / Hrsg. von L. Mendelsohn. Leipzig, 1887.

Литература

41. Абаев (1971) — *Абаев В. И.* О некоторых лингвистических аспектах скифо-сарматской проблемы // Проблемы скифской археологии. МИА № 177. М., 1971. С. 10–13.
42. Алексеев (2003) — *Алексеев А. Ю.* Хронография Европейской Скифии. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003.
43. Артамонов (1962) — *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962.
44. Балахванцев (2009) — *Балахванцев А. С.* К вопросу о времени и обстоятельствах возникновения «Парфики» Аполлодора Артемидского // Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире: Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Ф. У. Уолбанка / Под ред. О. Л. Габелко. Казань, 2009. С. 89–101.
45. Балахванцев (2015) — *Балахванцев А. С.* Две античные традиции истории ранней Парфии // Ученые записки Казанского университета. 2015. Т. 157. Кн. 3. С. 114–122.
46. Балахванцев (2018) — *Балахванцев А. С.* Политическая история ранней Парфии: Дис. ... докт. ист. наук. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2018.

47. Банников (2011) — *Банников А. В.* Римская армия в IV столетии от Константина до Феодосия. СПб.: Нестор-История, 2011.
48. Банников (2021a) — *Банников А. В.* Поход Юлиана. СПб.: Евразия, 2021.
49. Банников (2021b) — *Банников А. В.* Путь Константина. СПб.: Евразия, 2021.
50. Банников, Шмидт (2013) — *Банников А. В., Шмидт Г. А.* Предыстория военного мятежа 360 г.: сколько раз Юлиан отправлял войска на помощь Констанцию? // Проблемы истории, филологии, культуры. 2013. Вып. 3 (41). С. 44–53.
51. Бартольд (1915) — *Бартольд В. В.* К истории персидского эпоса. Пг.: Изд-во Императорской Академии наук, 1915.
52. Барфилд (2009) — *Барфилд Т.* Опасная граница. Кочевые империи и Китай (221 г. до н.э. — 1757 г. н.э.). СПб.: Ф-т филологии и искусств СПбГУ; Нестор-История, 2009.
53. Беленицкий (1973) — *Беленицкий А. М.* Монументальное искусство Пенджикента. Живопись, скульптура. М.: Искусство, 1973.
54. Борза (2013) — *Борза Ю. Н.* История античной Македонии (до Александра Велико-го) / Пер., науч. ред. М. М. Холода. СПб., 2013.
55. Боровкова (2001) — *Боровкова Л. А.* Царства «западного края» во II–I веках до н.э. (Восточный Туркестан и Средняя Азия по сведениям из «Ши Цзи» и «Хань шу»). М.: ИВ РАН, 2001.
56. Боровкова (2005) — *Боровкова Л. А.* Кушанское царство по древним китайским источникам. М.: ИВ РАН, 2005.
57. Боталов (2009) — *Боталов С. Г.* Гунны и тюрки (историко-археологическая реконструкция). Челябинск, 2009.
58. Боталов, Гуцалов (2000) — *Боталов С. Г., Гуцалов С. Ю.* Гунно-сарматы Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 2000.
59. Вдовченков (2017) — *Вдовченков Е. В.* Социальная история сарматов Нижнего Подонья. М.: Аквилон, 2017.
60. Виноградов (1994) — *Виноградов Ю. Г.* Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н.э. // Вестник древней истории. 1994. № 2. С. 151–170.
61. Витчак (2012) — *Витчак К. Т.* Скифский язык: опыт описания // *Nartamongae*. 2012. Vol. IX. № 1, 2. С. 115–130.
62. Гадло (1979) — *Гадло А. В.* Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л., 1979.
63. Гордин (2021) — *Гордин Я. А.* Русский человек и Кавказ. 300 лет войны и мира. СПб., 2021.
64. Граков (1947) — *Граков Б. Н.* Говнакократороѳевои: пережитки матриархата у сарматов // Вестник древней истории. 1947. № 3. С. 100–121.
65. Гумилев (1960) — *Гумилев Л. Н.* Некоторые вопросы истории хуннов // Вестник древней истории. 1960. № 4 (74). С. 120–125.
66. Гумилев (1965) — *Гумилев Л. Н.* Биография тюркского хана в «Истории» Феофилакта Симокатты и в действительности // Византийский Временник. М., 1965. Т. XXVI. С. 67–76.
67. Гумилев (1974) — *Гумилев Л. Н.* Хунны в Китае. М.: ГРВЛ, 1974.
68. Гумилев (1998) — *Гумилев Л. Н.* История народа хунну: в 2 кн. / Сост. и общ. ред. А. И. Куртки. М.: Институт ДИ-ДИК, 1998. Кн. 1.
69. Дандамаев (2013) — *Дандамаев М. А.* Ахеменидская империя. Социально-административное устройство и культурные достижения. СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2013.
70. Дандамаев (2015) — *Дандамаев М. А.* Политическая история Ахеменидской державы. СПб.: Академия исследования культуры, 2015.
71. Дзиговский (2012) — *Дзиговский А. Н.* Из истории Буджака последней трети IV в. н.э. // Золото, конь и человек: Сб. ст. к 60-летию Александра Владимировича Симоненко. Киев, 2012. С. 439–449.
72. Дибвойз (2008) — *Дибвойз Н. К.* Политическая история Парфии / Пер., науч. ред. и библиограф. прилож. В. П. Никонорова. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2008.
73. Дмитриев (2003) — *Дмитриев В. А.* Аммиан Марцеллин и персы (восточная цивилизация в восприятии римского историка IV в. н.э.): Дис. ... канд. ист. наук. Великий Новгород, 2003.

74. Дмитриев (2008) — *Дмитриев В. А.* Всадники в сверкающей броне. Военное дело сасанидского Ирана и история римско-персидских войн. СПб.: Петербургское востоковедение, 2008.
75. Засецкая (1971) — *Засецкая И. П.* Гунны в южнорусских степях. Конец IV — первая половина V в. н. э. (по археологическим данным): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1971.
76. Засецкая (1994) — *Засецкая И. П.* Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб., 1994.
77. Засецкая (2008) — *Засецкая И. П.* Сарматы в Северном Причерноморье // Сокровища сарматов. Каталог выставки. СПб., Азов, 2008.
78. Зеймаль (1968) — *Зеймаль Е. В.* Кушанская хронология (материалы по проблеме) // Материалы конференции по истории, археологии и культуре Центральной Азии в Кушанскую эпоху. Душанбе, 1968. С. 111–114.
79. Казанский (1994) — *Казанский М. М.* Могилы алано-сарматских вождей IV в. в понтийских степях // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь: Таврия, 1994. Вып. IV.
80. Казанский (2014) — *Казанский М. М.* Вождеское захоронение гуннского времени в Концештах и его культурно-исторический контекст // *Tractus Aevorum*. 2014. № 1. С. 28–51.
81. Казанский (2020) — *Казанский М. М.* Древности степных кочевников постгуннского времени (середина V — середина VI вв.) в Восточной Европе // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2020. Вып. XXV. С. 90–167.
82. Казанский (2021) — *Казанский М. М.* Гунны на Боспоре Киммерийском // Боспорские исследования. Керчь, Симферополь, 2021. Вып. XLII. С. 108–117.
83. Казанский, Мастыкова (2009) — *Казанский М. М., Мастыкова А. В.* «Царские» гунны и акациры // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем: Сб. науч. ст. к юбилею И. П. Засецкой. СПб.: Ф-т филологии и искусств СПбГУ, 2009. С. 114–126.
84. Корнилов (1903) — *Корнилов Л. Г.* Кашгария, или Восточный Туркестан. Опыт военно-статистического описания. Ташкент: Тип. Штаба Туркестанского военного округа, 1903.
85. Кулаковский (2000) — *Кулаковский Ю. А.* Избранные труды по истории аланов и Сарматии / Под ред. С. М. Перевалова. СПб.: Алетейя, 2000.
86. Кузнецов (1961) — *Кузнецов В. А., Пудовин В. К.* Аланы в Западной Европе в эпоху «великого переселения народов» // Советская археология. 1961. № 2. С. 79–95.
87. Курбатов (1958) — *Курбатов Г. Л.* Восстание Прокопия (365–366 гг.) // Византийский Временник. 1958. Т. XIV. С. 3–26.
88. Кычанов (2010) — *Кычанов Е. И.* История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров). СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2010.
89. Лебедева (1990) — *Лебедева Г. Е.* Динамика социальной структуры ранневизантийского общества (куриалы, сенаторы по данным кодексов Феодосия и Юстиниана) // Вестник ЛГУ. 1990. Вып. 4 (23). С. 21–30.
90. Лившиц (2010) — *Лившиц В. А.* Парфянская ономастика. СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2010.
91. Литвинова (1885) — *Литвинова П. Я.* Как сажали в старину людей старых на лубок // Киевская старина. (1885). Т. 12. Вып. 6 (июнь). С. 354–356.
92. Луконин (1961) — *Луконин В. Г.* Иран в эпоху первых Сасанидов. Очерки по истории культуры. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1961.
93. Луконин (1969) — *Луконин В. Г.* Культура Сасанидского Ирана. Иран в III–V вв. Очерки по истории культуры. М., 1969.
94. Луконин (1974) — *Луконин В. Г.* Завоевания Сасанидов на Востоке и проблема кушанской абсолютной хронологии // Центральная Азия в кушанскую эпоху. М.: ГРВЛ, 1974. Т. I. С. 302–307.
95. Мехамадиев (2015) — *Мехамадиев Е. А.* Армения и Римская империя в начале IV в.: проблема межгосударственных отношений в эпоху правления армянского царя Трдата III // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. СПб., 2015. Вып. 12. С. 111–133.

96. Мехамадиев (2018) — *Мехамадиев Е. А.* Галльский узурпатор Магненций и далматская кавалерия в 350 году: к вопросу о трактовке сведений византийского историка Зосима (Zos. II, 42,2 и 4) // Институты, право, идеи. СПб., 2018. С. 28–49.
97. Мехамадиев (2020) — *Мехамадиев Е. А.* Цезарь Константин Галл (351–354) и его военная политика в восточных провинциях Поздней Римской Империи // *Античная древность и Средние века*. 2020. Т. 48. С. 39–52.
98. Мирзоев (2016) — *Мирзоев Е. Б.* Шапур I. Триумф над Римом. М., 2016.
99. Немировский (2005) — *Немировский А. А.* Массагеты Геродота и саки тиграхауда // Эдубба вечна и постоянна. Материалы конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Игоря Михайловича Дьяконова. СПб., 2005. С. 217–224.
100. Нефедкин (2019) — *Нефедкин А. К.* Конница эпохи эллинизма. СПб.: Изд-во РПГУ им. А. И. Герцена, 2019.
101. Никоноров (1987) — *Никоноров В. П.* Вооружение и военное дело в Парфии: Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1987.
102. Никоноров (1995) — *Никоноров В. П.* К вопросу о парфянской тактике (на примере битвы при Каррах) // *Военное дело и средневековая археология Центральной Азии*: Сб. науч. трудов. Кемерово, 1995. С. 53–61.
103. Никоноров (2002) — *Никоноров В. П.* Военное дело европейских гуннов в свете данных греко-латинской письменной традиции // *Записки восточного отделения Российского археологического общества (ЗВОРАО)*. Новая серия. Т. I (XXVI). СПб., 2002. С. 223–317.
104. Никоноров (2003) — *Никоноров В. П.* К вопросу о роли стремя в развитии военного дела // *Степи Евразии в древности и Средневековье*. Кн. II: Материалы научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения М. П. Грязнова. СПб., 2003 [на обложке: 2002]. С. 263–267.
105. Никоноров, Худяков (2004) — *Никоноров В. П., Худяков Ю. С.* «Свистящие стрелы Маодуня» и «Марсов меч Атиллы». Военное дело азиатских хунну и европейских гуннов. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004.
106. Откупщиков (2001) — *Откупщиков Ю. В.* Ἀλόλλων (Мифолого-этимологический этюд) // *Очерки по этимологии*. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2001. С. 293–300.
107. Периханян (1973) — *Периханян А. Г.* Сасанидский судебник. «Книга тысячи судебных решений» (Matakdan i hazar datastan). Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1973.
108. Периханян (1983) — *Периханян А. Г.* Общество и право Ирана в парфянский и сасанидский периоды. М., 1983.
109. Пьянков (1979) — *Пьянков И. В.* К вопросу о путях проникновения ираноязычных племен в Переднюю Азию // *Переднеазиатский сборник*. История и филология стран Древнего Востока. М.: Наука, 1979. С. 193–207.
110. Пьянков (2012) — *Пьянков И. В.* Иранцы и тюрки в евразийских степях скифского и предскифского времени // *Степи Северной Евразии*. Оренбург, 2012. С. 602–605.
111. Пьянков (2013а) — *Пьянков И. В.* Жуны и ди, аримаспы и амазонки // *Средняя Азия и Евразийская степь в древности*. СПб.: Петербургское лингвистическое общество. 2013. С. 416–417.
112. Пьянков (2013b) — *Пьянков И. В.* Массагеты Геродота // *Средняя Азия и Евразийская степь в древности*. СПб.: Петербургское лингвистическое общество. 2013. С. 465–492.
113. Пьянков (2013с) — *Пьянков И. В.* Некоторые спорные вопросы «этногеографии Турана»: полемика археолога с филологами? (По поводу книги Б. И. Вайнберг «Этногеография Турана в древности VII в. до н.э. — VIII в. н.э.». М.: Изд. Фирма «Восточная литература» РАН, 1999) // *Средняя Азия и евразийская степь в древности*. СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2013. С. 598–616.
114. Пьянков (2013d) — *Пьянков И. В.* Рустам — герой «Книги царей»: сказка или быль? // *Средняя Азия и Евразийская степь в древности*. СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2013. С. 531–538.
115. Пьянков (2013е) — *Пьянков И. В.* Саки // *Средняя Азия и Евразийская степь в древности*. СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2013. С. 512–513.

116. Расовский (1936) — *Расовский Д. А.* Половцы // *Seminarium Kondakovianum VIII*. Прага, 1936. С. 175–192.
117. Ременников (1967) — *Ременников А.* Борьба племен Подунавья с Римом в 70-х гг. III в. н.э. // *Античное общество. Труды конференции по изучению античности*. М.: Наука, 1967. С. 188–192.
118. Ростовцев (1915) — *Ростовцев М. И.* Амага и Тиргатао // *Bibliotheca Chersonesitana* 32. Одесса, 1915.
119. Ростовцев (1925) — *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. СПб., 1925.
120. Симоненко (2010) — *Симоненко А. В.* Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб., 2010.
121. Симоненко (2011) — *Симоненко А. В.* Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья. СПб.: Нестор-История, 2011.
122. Симоненко (2012) — *Симоненко А. В.* Сарматы в среднем Поднепровье // *Золото, конь и человек: Сб. ст. к 60-летию Александра Владимировича Симоненко*. Киев, 2012. С. 45–57.
123. Скрипкин (1990) — *Скрипкин А. С.* Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов: Издание Саратовского ун-та, 1990.
124. Скрипкин (2010) — *Скрипкин А. С.* Азиатская Сарматия во II–IV веках. Некоторые проблемы исследования // *Сарматы и Восток. Избранные труды*. Волгоград, 2010. С. 11–36.
125. Скрипкин (2012) — *Скрипкин А. С.* О сармато-калмыцких параллелях // *Золото, конь и человек: Сб. ст. к 60-летию Александра Владимировича Симоненко*. Киев, 2012. С. 433–438.
126. Скрипкин (2017) — *Скрипкин А. С.* Сарматы. Волгоград, 2017.
127. Смирнов (1961) — *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
128. Смирнов (1964) — *Смирнов К. Ф.* Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука, 1964.
129. Смирнов (1984) — *Смирнов К. Ф.* Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М.: Наука, 1984.
130. Тохтасьев (2005) — *Тохтасьев С. Р.* Проблема скифского языка в современной науке // *Ethnic contacts and cultural exchanges North and West of the Black Sea from the Greek colonization to the Ottoman conquest*. Iasi, 2005. С. 59–106.
131. Тохтасьев (2013) — *Тохтасьев С. Р.* Иранские имена в надписях Ольвии I–III вв. н.э. // *Commentationes Iranicae: Сб. ст. к 90-летию В. А. Лившица / Под ред. С. Р. Тохтасьева и П. Б. Лурье*. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 565–607.
132. Тохтасьев (2015) — *Тохтасьев С. Р.* Синды и скифы // *Археология без границ. Коллекции, проблемы, исследования, гипотезы*. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. С. 426–439.
133. Ушкаков, Федюк (2012) — *Ушкаков А. И., Федюк В. П.* Корнилов // *ЖЗЛ*. 1596 (1396). М.: Молодая гвардия, 2012.
134. Хазанов (1971) — *Хазанов А. М.* Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971.
135. Хомяков (1900) — *Хомяков А. С.* Полное собрание сочинение А. С. Хомякова. Т. V. Ч. I: Записки о всемирной истории. М., 1900.
136. Хуршудян (2010) — *Хуршудян Э.* Города Ирана // *Иран-наме*. 2010. № 3 (15).
137. Цукерман (2005) — *Цукерман К.* Аланы и асы в раннем Средневековье // *Краткие сообщения Института Археологии*. М.: Наука, 2005. Т. 218. С. 65–84.
138. Шувалов (2001) — *Шувалов П. В.* У истоков Средневековья: двор Атиллы // *Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени / Под ред. Г. Е. Лебедевой*. СПб., 2001. Вып. 3. С. 130–145.
139. Шувалов (2014) — *Шувалов П. В.* Два железных стремени // *KOINON ΔΩΡΟΝ*. Исследование и эссе в честь 60-летнего юбилея Валерия Павловича Никонорова от друзей и коллег. СПб., 2014. С. 568–576.
140. Щеглов (1998) — *Щеглов Д. А.* Массagetский поход Кира Великого (локализация и историческая интерпретация) // *Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе*. СПб., 1998. С. 114–118.

141. Щукин (2005) — *Щукин М.Б.* Готский путь (Готы, Рим и черняховская культура). СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2005.
142. Alemani (2000) — *Alemaní A.* Sources on the Alans. A Critical Compilation. Handbook of Oriental Studies/Handbuch der Orientalistik. Section VIII: Central Asia. Vol. V. Leiden; Boston; Koeln: Brill, 2000.
143. Altheim (1962) — *Altheim F.* Geschichte der Hunnen. Bd. V: Niedergang und Nachfolge. Berlin: Walter De Gruyter, 1962.
144. Altheim (1969) — *Altheim F.* Geschichte der Hunnen. Bd. I: Von den Anfängen bis zum Einbruch in Europa. Berlin: Walter De Gruyter, 1969.
145. Bachrach (1973) — *Bachrach B.S.* A History of the Alans in the West. From their first Appearance in the Sources of Classical Antiquity through the Early Middle Ages. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1973.
146. Barnes (1981) — *Barnes Th.D.* Constantine and Eusebius. Cambridge, Massachusetts; London, England: Harvard University Press, 1981.
147. Barnes (1982) — *Barnes Th.D.* The New Empire of Diocletian and Constantine. Cambridge, Massachusetts; London, England: Harvard University Press, 1982.
148. Barnes (1998) — *Barnes Th.D.* Ammianus Marcellinus and the Representation of Historical Reality. Ithaca; London: Cornell University Press, 1998.
149. Barnes (2014) — *Barnes Th.D.* Constantine. Dynasty, Religion and Power in the Later Roman Empire. Oxford: Wiley Blackwell, 2014.
150. Beckwith (2018) — *Beckwith C.* On the Ethnolinguistic Identity of the Hsiung-n, // Language, Society, and Religion in the World of the Turks. Festschrift for Larry Clark at Seventy-Five / Ed. by Zsuzsanna Gulácsi. Turnhout, Belgium: Brepols, 2018. P. 5375.
151. Bevan (1902) — *Bevan E.R.* The House of Seleucus. London: Edward Arnold, 1902. Vol. II.
152. Bivar (2002) — *Bivar A.D.* GONDOPHARES // Encyclopaedia Iranica. 2002. Vol. XI. Fasc. 2. P. 135–136.
153. Christensen (1936) — *Christensen A.* L'Iran sous les Sassanides. Copenhagen, 1936.
154. Diboise (1937) — *Diboise N.C.* A Political History of Parthia. Chicago: The University of Chicago Press, 1937.
155. Fedorov (2010) — *Fedorov M.* Chionite Rulers of Chach in the Middle of the Fourth to the Beginning of the Seventh Century (according to the data of Numismatics) // Iran. 2010. Vol. 48. P. 59–67.
156. Golden (2006) — *Golden P.* Some Thoughts on the Origins of the Turks and the Shaping of the Turkic Peoples // Contact and Exchange in the Ancient World. Honolulu, 2006. P. 136–157.
157. Golden (2016) — *Golden P.* Turks and Iranians: Aspects of Türk and Khazaro-Iranian Interaction, in Turks and Iranians. Interactions in Language and History. By E. A. Csato, L. Johanson, A. Rona Tas and B. Utas. Wiesbaden: Harrassowitz, 2016. P. 79–107.
158. Hamilton (1965) — *Hamilton J.* Alexander's Early Life // Greece & Rome. 2nd Series. 1965. Vol. 12. No. 2 (October). P. 117–124.
159. Harmatta (1950) — *Harmatta J.* Studies on the History of the Sarmatians. Budapest, 1950.
160. Harmatta (1970) — *Harmatta J.* Studies on the History and Language of the Sarmatians. Szeged, 1970.
161. Harmatta (1994) — *Harmatta J.* History of Civilizations of Central Asia. Vol. II: The Development of sedentary and nomadic civilizations: 700 B. C. to A. D. 250. Paris, 1994. P. 485–493.
162. Huang Yungzhi (2016) — *Huang Yungzhi, Li Hui.* The Genetic and Linguistic Evidence for the Xiongnu-Yenisseian Hypothesis // Man in India. 2016. No. 95 (4). P. 93–108.
163. Herzfeld (1931–32) — *Herzfeld E.* Sakastan: Geschichtliche Untersuchungen zu den Ausgraungen am Kuh-i Khwadja // AMI. 1931–32. Vol. 4. P. 1–116.
164. Hyun Jin Kim (2013) — *Hyun Jin Kim.* The Huns, Rome and the Birth of Europe. Cambridge: University Press, 2013.
165. Kazanski (2012) — *Kazanski M.* Les armes et les techniques de combat des guerriers steppiques du début du Moyen-âge. Des Huns aux Avars // Le cheval dans les sociétés antiques et médiévales / Ed. par S. Lazaris // Turnhout: Brepols, 2012. P. 193–199, 287–296.

166. La Vassière de (2010) — *La Vassière de E. Maurice et le Qaghan: à propos de la digression de Théophylacte Simocatta sur les turcs // Revue des Etudes Byzantines*. 2010. T. 68. P. 219–224.
167. La Vassière de (2015) — *La Vassière de E. Theophylact's Turkish Excursus revisited // De Samarcande à Istanbul: étapes orientales. Hommages à Pierre Chuvin — II / Ed. par V. Schiltz*. Paris: CNRS Editions, 2015. P. 91–102.
168. Lerner (1999) — *Lerner J. D. The Impact of Seleucid Decline on the Eastern Iranian Plateau. The Foundations of Arsacid Parthia and Graeco-Bactria*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1999.
169. Lizzi Testa (2000) — *Lizzi Testa R. Privilegi economici e definizione di status: il caso del vescovo tardoantico // Rendiconti della academia nazionale dei Lincei, classe di scienze morali, storiche e filologiche*. Roma, 2000. S. IX. Vol. XI. Fasc. I. P. 55–104.
170. Lizzi Testa (2013a) — *Lizzi Testa R. Costantino e il Senato Romano // Costantino I. Enciclopedia Costantiniana sulla figura e l'immagine dell'imperatore del cosiddetto editto di Milano 313–2013*. Roma, 2013. Vol. I. P. 351–367.
171. Lizzi Testa (2013b) — *Lizzi Testa R. Costantino nel Codice Teodosiano. La raccolta delle leggi per un nuovo Codice // Costantino I. Enciclopedia Costantiniana sulla figura e l'immagine dell'imperatore del cosiddetto editto di Milano 313–2013*. Roma, 2013. Vol. II. P. 273–289.
172. Maenchen-Helfen (1945) — *Maenchen-Helfen O. The Legend of the Origins of Huns, in Byzantion*. 1945. T. XVII. P. 244–252.
173. Nikonorov (1998) — *Nikonorov V. P. Appolodorus of Artemita and the date of his Parthica revisited // Ancient Iran and the Mediterranean World. Proceedings of an international conference in honour of Professor Józef Wolski held at the Jagellonian University, Cracow, in September 1996 / Ed. by E. Dąbrowa*. Kraków, 1998. P. 107–122.
174. Olbrycht (1998) — *Olbrycht M. J. Parthia et ulteriores gentes. Die politischen Beziehungen zwischen dem arsakidischen Iran und den Nomaden der eurasischen Steppen*. Muenchen, 1998.
175. Olbrycht (2004) — *Olbrycht M. J. Aleksander Wielki i świat irański*. Rzeszów: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2004.
176. PLRE (1971) — *Jones A. H. M., Martindale J. R., Morris J. The Prosopography of the Later Roman Empire*. Vol. I: 260–395. Cambridge: Cambridge University Press, 1971.
177. PLRE (1980) — *Martindale J. R. The Prosopography of the Later Roman Empire*. Vol. II: 395–527. Cambridge: Cambridge University Press, 1980.
178. Pohl (1988) — *Pohl W. Die Awaren. Ein Steppenvolk in Mitteleuropa 567–822 n. Chr*. Muenchen: Verlag C. H. Beck, 1988.
179. Pourshariati (2008) — *Pourshariati P. Decline and Fall of the Sasanian Empire. The Sasanian-Parthian Confederacy and the Arab Conquest of Iran*. London; New York: I. B. Tauris, 2008.
180. Pulleyblank (2000) — *Pulleyblank E. G. Tribal Confederations of Uncertain Identity. The Hsiung-nu // Philologiae et Historiae Turcicae Fundamenta (=Philologiae Turcicae Fundamenta III) / Ed. by H. R. Roemer*. Berlin: Klaus Schwarz, 2000. P. 52–101.
181. Raimondi (2006) — *Raimondi M. Modello costantiniano e regionalismo gallico nell'usurpazione di Magnenzio // Mediterraneo Antico. Economie, Società, Culture*. 2006. Vol. IX (1). P. 267–281.
182. Rezakhani (2017) — *Rezakhani K. ReOrienting the Sasanians. East Iran in Late Antiquity*. Edinburgh: University Press, 2017.
183. Shahbazi (1986) — *Shahbazi A. Sh. ARMY in Pre-Islamic Iran // Encyclopædia Iranica*. 1986. Vol. II/5. P. 489–499.
184. Schuessler (2014) — *Schuessler A. Phonological Notes on Hàn Period Transcriptions of Foreign Names and Words // Studies in Chinese and Sino-Tibetan Linguistics: Dialect, Phonology, Transcription and Text. Language and Linguistics Monograph Series*. Taipei, Taiwan: Institute of Linguistics, Academia Sinica. 2014. Vol. 53. P. 249–292.
185. Sim-Wiliams (1997) — *Sim-Wiliams N. Four Bactrian Economic Documents // Bulletin of the Asia Institute*. 1997. Vol. 11. P. 3–15, (13. doc. 14).
186. Sim-Wiliams (2010) — *Sim-Wiliams N. Bactrian Personal Names. Iranisches Personennamenbuch*. Vol. II. Fasc. 7. Vienna: Verlag des Oesterreichischen Akademie der Wissenschaften, 2010.

187. Speck (2002) — *Speck P.* Kaiser Leon III., die Geschichtswerke des Nikephoros und des Theophanes und der *Liber Pontificalis*. Eine quellenkritische Untersuchung. Teil 1. Die Anfänge der Regierung Kaiser Leons III // Ποικίλα Βυζαντινά 19. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2002.
188. Speck (2003) — *Speck P.* Kaiser Leon III., Die Geschichtswerke des Nikephoros und des Theophanes und der *Liber Pontificalis*, T. II.: Eine Neue Erkenntnis Kaiser Leons III; T. III.: Die Απόστασις Ῥώμης και Ἰταλίας und der *Liber Pontificalis* // Ποικίλα Βυζαντινά 20. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2003.
189. Syme (1968) — *Syme R.* Ammianus and the *Historia Augusta*. Oxford: Clarendon Press, 1968.
190. Tarn (1938) — *Tarn W.W.* The Greeks in Bactria and India. Cambridge: University Press, 1938.
191. Vasiliev (1936) — *Vasiliev A.* The Goths in the Crimea. Cambridge, Massachusetts: The Medieval Academy of America, 1936.
192. Vovin (2000) — *Vovin A.* Did the Xiongnu speak a Yeniseian language? // *Central Asiatic Journal*. 2000. Vol. 44/1. P. 87–104.
193. Waszak (2016) — *Waszak D.* Addac “Rex Alanorum” // *Nowy Filomata*. 2016. Vol. XX, 1. P. 72–77.